

К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина

Т. М. Двинятина

**И. А. БУНИН И Е. М. ЛОПАТИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА И РУССКОГО АРХИВА В ЛИДСЕ)¹**

Аннотация: В статье на материалах Рукописного отдела ИРЛИ и Русского архива в Лидсе (Великобритания) прослеживается история отношений И. А. Бунина и Е. М. Лопатиной. В 1897–1898 гг. Бунин и Лопатина пережили период творческого и личного сближения. После долгого перерыва, в 1920–1930-е гг., уже в эмиграции, во Франции, их общение продолжилось. В произведениях Бунина отразились как биографические черты прошедшего опыта, так и художественные штрихи, которые можно связать и с самой Лопатиной, и с чертами героев ее романа «В чужом гнезде», который она и Бунин вместе готовили для книжного издания в 1898 г.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Е. М. Лопатина, источники, дневники, биография, русская эмиграция.

Abstract: Using material from the Institute of Russian Literature (Pushkin House) Department of Manuscripts and the Leeds Russian Archive (Great Britain), this article tracks the course of the relationship between I. A. Bunin and E. M. Lopatina. In 1897–1898 they enjoyed a period of creative and personal closeness. After a long interruption, they resumed contact with one another in the 1920s and 1930s, when they were both émigrés in France. Bunin's works contain biographical features derived from their shared past and artistic features which can be linked both with Lopatina herself and with the heroes of her novel «In the Nest of Strangers», which Bunin helped her prepare for publication in 1898.

Key words: Ivan Bunin, Ekaterina Lopatina, sources, diaries, biography, Russian emigration.

В сложившейся биографии И. А. Бунина Екатерине Михайловне Лопатиной² отведено довольно скромное место. Известно, что они познакомились в Петербурге 10 янв. 1897 г. в редакции журн. «Новое слово». В то время в журнале публиковался первый (и так и оставшийся единственным) роман Лопатиной «В чужом гнезде», напечатанный под псевдонимом «К. Ельцова».

---

¹ Тексты и фотографии печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса. За уточнение отдельных сведений, использованных в этой статье, выражаю признательность М. В. Захаровой и Е. Р. Обатниной.

² Биографическую справку о ней см.: *Агапкина Т. П.* Ельцова К. // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 230–231. Краткий очерк ее отношений с Буниным см.: *Офицерова Е. В.* И. А. Бунин в Царицыне // Московский журнал. 2014. № 6 (282). С. 68–76.

Роман был встречен доброжелательно и приветливо, Лопатина оказалась на взлете своего молодого успеха – почти в том же положении, что и Бунин, уже принятый в разных столичных редакциях. Отличие заключалась лишь в том, что для него это было самым началом его долгой славы, а для нее – пиком, так как ей суждена была совсем иная судьба – и не столько внутри литературы, сколько вне ее.

Начало их серьезным личным отношениям было положено спустя несколько месяцев в Москве: 17 нояб. 1897 г. Бунин вместе с сотрудниками «Нового слова» А. М. Скабичевским и С. Н. Кривенко пришел в дом Лопатиных и с тех пор стал его частым гостем. В феврале – марте 1898 г. Бунин помогал Лопатиной готовить ее роман для отдельного издания. Они работали, затем вместе ходили по московским «трущобам». Их долгие прогулки по весенней Москве и он, и она будут вспоминать через много лет.

В конце мая – июне 1898 г. Бунин снимал дачу в Царицыне – неподалеку от того места, где снимали дачу и Лопатины. Затем встречи резко оборвались. Он уехал на юг, в Одессу, где вскоре женился на только что окончившей гимназию Анне Николаевне Цакни, дочери финансиста и фактического редактора-издателя газ. «Южное обозрение» Н. П. Цакни. Спустя много лет подытожил: «Если к Лопатиной мое чувство было романтическое, то Цакни была моим языческим увлечением...».³

Известен отзыв о Лопатиной жены писателя, В. Н. Муромцевой-Буниной, вошедший в ее книгу «Жизнь Бунина»:

«Оригинальная, и не потому, что хотела оригинальничать, а потому, что иной не могла быть, она – единственная в своем роде, такой второй я не встречала.

В те годы худая, просто причесанная, с вдумчивыми серо-синими большими глазами на приятном лице, она своей ныряющей походкой гуляла по Царицыну, дачному месту под Москвой, в перчатках, с тросточкой и в канотье, – дачницы обычно не носили шляп. Очень беспомощная в жизни, говорившая чудесным русским языком, она могла рассказывать или спорить часами, без конца. Хорошая наездница, в длинной синей амазонке, в мужской шляпе с вуалью, в седле она казалась на фоне царицынского леса амазонкой с картины французского художника конца девятнадцатого века. Была охотницей, на охоту отправлялась с легавой, большая частью с золотистым сеттером.

Ей было в ту пору за тридцать, она на пять лет старше Ивана Алексеевича».⁴

Муромцевы принадлежали тому же московскому кругу, что Лопатины. В. Н. Муромцева вспоминала, что познакомилась с Е. М. Лопатиной в свои тринадцать лет и спустя четыре года именно в ее обществе впервые увидела

---

³ Цит. по: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. С. 174.*

⁴ Там же. С. 163. Ср. несколько шаржированный портрет Лопатиной, очерченный Буниным в разговоре с Г. Н. Кузнецовой: «Она <Лопатина> была худая, болезненная, истерическая девушка, некрасивая, с типическим для истерички звуком проглатывания – м-гу! – звуком, которого я слышать не мог. Правда, в ней было что-то чрезвычайно милое, кроме того, она занималась литературой и любила ее страстно» (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 217.*)

Бунина. Это произошло в Царицыне летом 1898 г.: «Они (Бунин и Лопатина. – Т. Д.) много гуляли, и один раз мы с мамой⁵ столкнулись с ними. Екатерина Михайловна познакомила нас».⁶ Через восемь лет Бунин и Вера Муромцева снова встретятся в Москве и соединят свои жизни.

Оказавшись в эмиграции, Бунины и Лопатина будут встречаться на юге Франции. Когда в 1935 г. Лопатиной не станет, З. Н. Гиппиус откликнется на ее смерть некрологом, начинающимся с мимолетного воспоминания той самой зимы 1897 г., когда Поликсена Соловьева посоветовала ей прочесть только что вышедший роман своего «друга, Кати Лопатиной», и перерастающим в духовный портрет Лопатиной, знакомой Гиппиус по последним годам в эмиграции: главными его чертами были принадлежность «староинтеллигентской, университетской Москве» (семья Лопатиных была тесно связана с семьей Соловьевых, в их доме бывал Л. Н. Толстой) и религиозность, определившая строй и направление всей жизни.⁷

Вот краткий очерк того, что было известно об этом сюжете бунинской жизни и о его героине. Однажды, уже после смерти Лопатиной, Бунин записал в дневнике: «Следовало бы написать мой нелепейший роман с Кат. Мих. (Лопатиной. – *М<лицца> Г<рин>*). Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалим. Еще – историю моих стихов и рассказов».⁸ Прежде чем понять, каким образом он воплотил свой замысел и каким образом «нелепейший роман» оказался связан с его художественными сочинениями, постараемся взглянуть в подробности этой долгой истории, и первыми источниками здесь будут подробный дневник Е. М. Лопатиной 1896–1898 гг.⁹ и собственно ее роман, с которым она вошла в литературу, в жизнь Бунина – и в его творчество.

* * *

Роман «В чужом гнезде» был окончен осенью 1895 г.¹⁰ Он представляет собой историю молодой девушки, Зинаиды Черновой, слушательницы Высших женских курсов в Москве. Она приехала из провинции, живет в доме родственников на окраине Москвы. Пространство романа, таким образом, трехмерно: с провинцией, где живет ее отец, связаны воспоминания о про-

⁵ Мать В. Н. Муромцевой-Буниной – *Муромцева Лидия Федоровна* (1855 или 1856 – 1923).

⁶ *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 173.

⁷ *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // *Современные записки*. Париж, 1935. Кн. 59. С. 459–462. Другие некрологи см.: *Каллаш М.* Памяти Е. М. Лопатиной // *Последние новости*. 1935. 3 окт. № 5306; *Чebyшев Р. Н.* Памяти Е. М. Лопатиной // *Последние новости*. 1935. 27 сент. № 5300.

⁸ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1977–1982. Т. 3. С. 65 (запись 29 авг. 1940 г.).

⁹ РО ИРЛИ, р. I, оп. 15, № 137(3). Ссылки на дневник Е. М. Лопатиной даются в тексте статьи: ДЛ (с указанием листа и даты).

¹⁰ Об этом свидетельствует, в частности, письмо Е. М. Лопатиной к А. М. Скабичевскому от 28 окт. 1895 г. с ответом на его замечания. В этом письме она называет «В чужом гнезде» повестью и предполагает, что для ее публикации «принуждена будет выбрать себе псевдоним вместо фамилии»; псевдоним «К. Ельцова» будет выбран ею только в сентябре 1896 г. (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122).

шлом и народнические мотивы, в московском доме Черновых и их загородном имении расцветает мир природы и семейных отношений, с самой Москвой соотносятся идеи эмансипации и женского образования. Образ героини во многом автобиографичный. Ей свойственны те же идеи помощи народу, та же отвлеченность от материальной стороны жизни в пользу духовных поисков, то же сочетание аскетизма и светских увлечений (пение, верховая езда), что и самой Лопатиной.

В течение одной весны героиня переживает роман с графом Торжицким, сыном давней подруги хозяйки того дома, где она остановилась, учась на курсах. Граф женат, но живет отдельно от жены и сына. Он увлекается героиней и заключает пари со своим приятелем на «счастливое» завершение любовной интриги. Не в силах противостоять его настойчивости и мужскому обаянию (в сочетании с неоднократно проскальзывающим в тексте «нахальством»), героиня сдаётся, однако ей приходится весьма быстро опомниться. У Торжицкого умирает пятилетний сын, и обольститель юной героини («погубивший ее безнравственный человек», по определению Лопатиной¹¹) остается при неизменно любящей его жене. Зинаида переживает нервное потрясение, с трудом поправляется и вместе с отцом покидает Москву, решившись отныне жить простой, ясной жизнью, главной идеей которой будет просвещение народа и служение другим.

Роман написан под ясным влиянием русской прозы 1850–1880-х гг., прежде всего Тургенева и Толстого. Атмосфера подмосковной усадьбы несет в себе отголосок тургеневских настроений «Первой любви», описание военного лагеря и ипподрома заставляет вспомнить об «Анне Карениной», семейный уклад равно отсылает и к «Воине и миру», и к «Дворянскому гнезду» (возможно, что и свой роман Лопатина назвала с отсылкой к нему). Некоторые сцены оказываются вольными или невольными проекциями: пение Зины Черновой – пения Наташи Ростовской, ночные мечтания Зины в Ольховке – мечтаний Наташи лунной ночью в Отрадном, соблазнение героини предстает осуществленным замыслом Анатоля Курагина и т. д.

Сам любовный «поединок» двух главных героев не только проецируется на прошлые тексты, но и предугадывает реальное течение событий: в жизни Лопатиной ее роман «сбылся» буквально на следующий год после написания и стал прологом ее встречи с Буниным.

* * *

Журн. «Новое слово» начал печатать роман К. Ельцовой «В чужом гнезде» в декабре 1896 г. И для молодого автора, и для редакции эта публикация стала одним из главных событий той зимы. 1 янв. 1897 г., еще в Москве, Лопатина записала: «1 января 1897 г. Среда. Встретили Новый Год довольно приятно. В двенадцатом часу я взяла в руки “Новое Слово” с моим романом и хорошенько помолилась» (ДЛ. Л. 24). Так в первой же записи Лопатиной за этот год сошлись ее успех, ее творчество и религиозность, которая была основанием и устремлением всей ее жизни.

---

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 2 об. (Письмо Е. М. Лопатиной А. М. Скабичевскому от 28 окт. 1895 г.).

В начале января 1897 г. Лопатина приезжает в Петербург. «Живу, точно во сне», – записывает она в дневнике через неделю, 11 янв. В той же записи – подробности первой встречи в редакции журнала:

«11 января. <...> Вчера была в “Новом Слове” на вечернем сборище, куда была приглашена как сотрудница. Я была одна среди толпы незнакомых мужчин. Попова¹² заходила только – ненадолго. Большой стол без скатертей, накрытый, кажется, клеенкой, самовар, стаканы, бутылки с вином, тартинки и хлеб. Дым, громкие голоса, споры. <...> Со мной говорили все так, будто я всю жизнь писала и только это дает мне значение, и цену, и интерес. Будто это моя профессия, и никто не удивляется... Я боюсь, что произвела на них неприятное впечатление, что “они” меня считают глупою; я чувствую себя значительно чуждою им. Но если бы мне когда-нибудь сказали, что *это*¹³ будет, я бы не поверила. И я была счастлива. – Самое главное, *мое*, они понимали. Скабичевский говорил о выпусках в романе, о том, что выпускает не слабые места, а лишние, и что у меня есть лишние, но равные по силе и художественности почти Толстому описания.¹⁴ Кривенко советовал записать впечатления после Ходынки. Писатель Бунин назвал меня землячкой,¹⁵ как только вошел; говорил о работе, о писателях, о том, привезла ли я еще, есть ли мелкие вещи у меня. Да и все вообще говорили всё время о писателях, о работе, о корректурах и цензуре, о литературе во всех ее видах и отраслях. И я была с ними, в дымной, заваленной книгами комнате и совершенно не верила себе» (ДЛ. Л. 25–25 об.).

Других упоминаний о Бунине в этот приезд Лопатиной в Петербург нет: тогда ее более всего занимало ее новое положение в журнальном мире, корректура следующих частей романа и отношения с Лидией Филипповной Маклаковой: годовщину знакомства с ней 29 дек. 1896 г. Лопатина отмечала как «незабвенный, самый дорогой для меня день» (ДЛ. Л. 24).¹⁶

---

¹² Попова Ольга Николаевна (1848–1907) – издательница журн. «Новое слово».

¹³ Подчеркнутые в тексте Лопатиной слова здесь и далее выделены курсивом.

¹⁴ А. М. Скабичевский принимал деятельное участие в литературной судьбе Е. М. Лопатиной (см. примеч. 10), о ее романе «В чужом гнезде» см. в частности в его развернутой статье «Аскетические недуги в нашей современной передовой интеллигенции (По поводу трех женских романов)» (Русская мысль. 1900, ноябрь. С. 34–41; см. также библиогр. в статье: Азаткина Т. П. Ельцова К.). Когда вышло отдельное издание, Лопатина послала его Скабичевскому вместе с письмом, в котором говорилось: «Глубокоуважаемый Александр Михайлович! Примите от меня на добрую память мое произведение, обязанное отдельным изданием Вам, так как без Вашей похвалы и критики, так много давшей мне бодрости, я бы едва ли решилась издать первый роман мой», и т. д. (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 7).

¹⁵ Подразумевается, что Лопатина происходила из семьи дворян Орловской губернии, как и сам Бунин.

¹⁶ Маклакова Лидия Филипповна (1851–1936) – писательница (псевд. Л. Нелидова), была гражданской женой В. А. Слепцова, что в глазах Лопатиной придавало ей еще более возвышенный характер. Со Слепцовым в свое время был дружен А. М. Скабичевский (см. примеч. 10 и 14). После 1917 г. Е. М. Лопатина уехала из России, Л. Ф. Маклакова осталась. В относящейся к Е. М. Лопатиной части Бунинской коллекции в г. Лидсе (см.: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. 354*) хранится 141 письмо к ней Л. Ф. Маклаковой 1924–1935 гг.

С началом публикации «В чужом гнезде» жизнь Лопатиной приобретает дополнительное измерение:

«16 января. Четверг. Вечер. Я у дяди Вл<адимира> Львов<ича>.¹⁷ У меня отдельная комната, и я здесь работаю. У меня корректуры всё время. Сегодня в редакции получила 92 руб. с копейками, это то, что я заработала сверх 200 руб., до сих пор, со следующей же книжки я буду получать сполна. – Видела ее¹⁸ в больнице и вместе с ней заезжала к Скабичевскому отвезти рукопись и корректуру, кот<орую> я ей давала просмотреть. Мне казалось, что это совсем ужасно, а она нашла, что хорошо, и я в восторге. <...> Я чувствую себя смутно и странно, мне кажется, что какая-то новая жизнь захватила меня. Сегодня сидела там (в ред. «Нового слова». – Т. Д.) и читала свой роман в январской книжке. <...> Узнала, что обыкновенно в «<“Нов<ом> Слове<”> платят 60 руб., если не было особых условий. – Я так люблю эту редакцию, эти комнаты, полки книг. – Всё равно, если и плох совсем мой роман, я только так, *этим* могу жить. И я так люблю ее...» (ДЛ. Л. 26–27 об.).

18 янв. на вечере памяти С. Я. Надсона (к 10-летию его смерти) Маклакова знакомит Лопатину с Н. К. Михайловским. Молва уже передавала Лопатиной добрый отзыв о ее романе этого влиятельнейшего критика, и теперь он сам делится впечатлениями от первой прочитанной части: «Конечно, вперед ничего сказать нельзя, – говорил он Л<идии> Ф<илиппов>не <Маклаковой>, – насколько могу судить пока... распределение лиц... и очень живая сцена на курсах. Мне понравилось» (ДЛ. Л. 30–30 об.). Тогда же Лопатина впервые встречает З. Н. Гиппиус,¹⁹ через неделю, 25 янв., отмечает в дневнике чтение пьесы Маклаковой «у М<ережковских?>» (ДЛ. Л. 34).²⁰ Еще один яркий эпизод, оставшийся на страницах дневника Лопатиной тех дней, – знакомство с Маминым-Сибиряком:

«Последний после беседы моей со Ск<абичевск>им, когда я уходила, подошел ко мне чрезвычайно близко, прижав меня почти к полкам книг, и долго говорил со мной, обдавая меня необыкновенно сильным запахом вина, спрашивал, как это я такая молодая и надумала написать такой большой роман?» и т. д. (ДЛ. Л. 36; запись 28 янв. 1897 г.).

В тот петербургский приезд Лопатина всё чаще признается себе: «У меня странное и смутное, но несомненное чувство, что я... не в силах вернуться в Москву», сознает наступление нового этапа: «Я не могу, не могу вернуться

---

¹⁷ *Чебышев Владимир Львович* (1831–1905) – брат матери Лопатиной Екатерины Львовны (1827–1910), артиллерист, генерал-лейтенант, конструктор стрелкового оружия.

¹⁸ Здесь и далее под «ней» имеется в виду Л. Ф. Маклакова; относящееся к ней местоимение Лопатина, как правило, подчеркивала в своем тексте (здесь, однако, оно не выделено).

¹⁹ «Видела Гиппиус, вот удивительный вид... И так хороша собой. Мне казалось, что это совершенно развратное лицо, а Л<идия> Ф<илипповна> дорогой сказала мне, что, говорят, она с мужем живет как сестра, и с Вол<ынск>им ездила за границу точно так же. И мне стало так интересно...» (ДЛ. Л. 30 об.; запись 18 янв. 1897 г.)

²⁰ В некрологе Лопатиной З. Н. Гиппиус писала о ней как о «ни разу в России не виденной» (*Гиппиус З. Н.* Своими путями... С. 459); очевидно, это не совсем так. Связующим звеном между Гиппиус и Лопатиной была П. С. Соловьева, которая зимой 1897 г. принесла Гиппиус только что напечатанный в «Новом слове» роман Лопатиной.

к прежней жизни, я не понимаю, что такое со мной? Я не могу жить так, как жила до их пор» (ДЛ. Л. 31–32 об.; записи 19 и 20 янв.).

Тем не менее 15 февр. Лопатина возвращается в Москву. Здесь оказывается, что в Москве ее роман читают совсем иначе, чем в Петербурге:

«Ныне она²¹ мне сказала, что меня за роман страшно ругают по всей Москве, в особенности за опозоривание <так!> курсов, за то, что я их затронула. У меня тяжелое и неприятное, и неловкое чувство, но я очень ко всему этому равнодушна, – я слишком мучаюсь за нее. – Мож<ет> быть, гораздо лучше, чтобы роман мой прервали, дальше он еще хуже. Мож<ет> быть, хорошо, что бранят?» (ДЛ. Л. 44 об.; запись 16 февр. 1897 г.).

По отрывочным упоминаниям Лопатиной можно понять, что ее семейный круг относился к Маклаковой крайне настороженно и неприязненно, причиной чего были некие «гнусные клеветы», а следствием – постоянные душевные терзания самой Лопатиной. Ее сомнения относительно ее романа развеивает навесивший Лопатину в Москве Скабичевский, 20 февр. она записывает:

«Сегодня был у меня А. М. Скабичевский. <...> Сердце мое переполнено сочувствием к нему и негодованием на Попову за их судьбу. Он до того мил. К нам выходил папа.²² А<лександр> М<ихайлович> приехал искать работу, но говорит, что ничего в виду не имеет. Про меня сказал, что мой роман, конечно, <надо> кончать, что журнал будет продолжаться и, вероятно, набирается мартовская книжка. Я ему рассказала, что меня очень бранят за опозоривание <так!> курсов. – Кто вас бранит? – добродушно улыбаясь, возразил он: – А в Петербурге ваш роман очень хвалят... – Потом сказал: – А вы очень хорошо знаете Москву... московскую жизнь. У вас так и обдаёт Москвой. – Я была в таком восторге от его слов. Мне невыносимо грустно, что я теперь не увижу его Бог знает сколько времени» (ДЛ. Л. 46–46 об.).

В начале 1897 г. в редакции «Нового слова» произошли изменения,²³ и Лопатина, со своей стороны, могла беспокоиться о дальнейшей судьбе своего романа. Однако публикация продолжилась (последние главы «В чужом гнезде» были напечатаны в июльском номере «Нового слова» за 1897 г.), и радость от держания корректуры и страдания за Л. Ф. Маклакову наполняли жизнь Лопатиной противоречивыми переживаниями. В этот момент (по крайней мере на страницах ее дневника) появляется он, Ардалион Ардалионович Токарский (в дневнике Лопатина называет его Анатолием или «Толей».)²⁴ Московский

---

²¹ Л. Ф. Маклакова.

²² Лопатин Михаил Николаевич (1823–1900) – судебный деятель, публицист.

²³ По настоянию издательницы журнала О. Н. Поповой его прежде народническое направление менялось на марксистское, к сотрудничеству были приглашены В. А. Поссе, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Члены старой редакции, в том числе С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевский, заявили о выходе из журнала (см.: Новое время. 1897. 13 февр.; Новое слово. 1897. № 6, март; объявление Поповой), будущность которого в связи с этим некоторое время представлялась неясной.

²⁴ Токарский Ардалион Ардалионович (1859–1901) – врач-психиатр, автор работ по нервным болезням и гипнотическим явлениям, первый директор психологической лаборатории при Московском университете. В 1899 г. Лопатина бывала на его лекциях.

врач-психиатр, вхожий в московский круг Лопатиных,²⁵ женатый человек, оставивший свою жену, быстро овладевает вниманием впечатлительной девушки:

«Неужели я хоть на несколько дней, хоть только в воображении могла испытывать и испытываю что-то вроде любви. Это так неясно и глупо, и такое полное крушение всего... А чтобы видеть его, дала бы много и не из одного любопытства. И никогда ничего подобного с *тех* пор не испытывала. Это, несомненно, не любовь, но что-то грозное. И вовсе при этом недурное» (*ДЛ*. Л. 53; запись 22 марта 1897 г.).

Обмолвка «с *тех* пор» заставляет предположить, что была некая предыстория в ту пору (с другим человеком?), после которой подобные чувства казались Лопатиной уже невозможными.²⁶ Теперь она вспоминает, что прежде чувства, связанные с влюбленностью и воображением, воспринимались как «такие гадости», а тут оказывается: «И гадкого ничего, совсем ничего» (*ДЛ*. Л. 53 об.).

Однако очень скоро ситуация еще более осложняется. Лопатина узнает, что у Токарского помимо жены есть «любовница, у кот<орой> он живет, т. е. снимает комнату», и хочет «вести в дом».²⁷ «Всё это, в сущности, такая грязь и гадость. Во что я попала?» – ужасается Лопатина (*ДЛ*. Л. 54 об.). Приходится признать, что она попала героиней в свой уже написанный роман (далее она и сама признается в этом в дневнике), но жизнь оказалась гораздо шире романа.

Март 1897 г., Лопатина влюблена. Между тем это время Великого поста (Пасха приходилась на 25 апр.), и она ходит на всенощные. В воскресенье 23 марта (4 апр.) кончается четвертая неделя Великого поста, посвященная памяти преп. Иоанна Лествичника, и за службой полностью читаются Великий покаянный канон св. Андрея Критского и житие преп. Марии Египетской. Все три имени для Лопатиной отмечены особым духовным смыслом: как путь внутреннего совершенствования и приближения к небу, как образец покаяния и как преодоление страстей, и прежде всего страстей любовных. Лопатина за молебном поминает «рабу Лидию». В тот же день после службы она идет

---

²⁵ Так, например, вместе с братом Лопатиной Львом Михайловичем А. А. Токарский состоял в Психологическом обществе при Московском университете. В дневнике Лопатиной то и дело встречаются фамилии Огневых, Суражевских, Соловьевых, – и все они существуют в одном «поле» с ее неожиданным избранником и оказываются невольными свидетелями разыгрывающейся драмы.

²⁶ Похожие обмолвки встречаются и в других записях, например, при передаче разговора Лопатиной с Маклаковой 29 апр. 1897 г.: «Она говорит, что давно боялась этого, того, что подвернется какой-нибудь негодяй, и что за эти 10 лет, когда я никого не любила, я и сберегла себя для Толи» (*ДЛ*. Л. 76 об.).

²⁷ См. также позднее изложение посвященной в обстоятельства дела В. Н. Буниной: «Из романа с психиатром у нее ничего не вышло, так как у него была связь с франуженкой, от которой он имел дочь, и он считал долгом узаконить этот союз, а затем развестись, но в то время разводы были очень сложным делом в России» (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 171). Сама Лопатина в дневнике 1899 г. пишет о «детях» Токарского и его страхах, что в случае его развода с «женой»-франуженкой они уедут с матерью в Париж (РО ИРЛИ, р. I, оп. 15, ед. хр. 137(4)).

в «трусцобы» – так назывались ее регулярные обходы «углов» московской бедноты в стремлении хоть как-то облегчить существование их жителей. Вместе с ней пошел Токарский: «Вел себя дураком, удивлялся, что мы выносим всё это, уходил курить, кажется, давал деньги и предлагал бабе написать за 5 коп. просьбу» (ДЛ. Л. 57 об.). Через год на месте Токарского окажется Бунин.

Отношения с Токарским Лопатина разорвать не может. Сострадание и влюбленность приковывают ее к нему, а он пытается объясниться. 30 марта Лопатина описывает их прогулку по Москве и разговор:

«Говорил о тяжести человека, связанного по рукам и ногам чувством долга с другой женщиной, с кот<орой> они хоть и не венчаны, но с кот<орой> он сошелся, о том, как он отказывается от всякого личного счастья, – когда девушку, положим, любишь, и чувствуешь, что чувство проходит, – у нее есть семья, родители. Ну, и разрываешь. А тут, если *нельзя* ничего сделать. И ждешь – месяцы, годы, кот<орые> должны пройти, и поневоле ждешь только смерти, что всё кончится смертью. – Я что-то говорила лишнее, и мы всё шли» (ДЛ. Л. 62 об.–63).

Встреченная ими в тот раз на улице знакомая (З. С. Иванова), которой Лопатина представила своего спутника, оставшись с ней наедине, сказала: «Это тип из Вашего романа. Вы, наверное, его изучали!» (ДЛ. Л. 63 об.). Но Лопатина не изучала, да и роман был уже написан, – она была увлечена. Решение и раз-решение внутреннего конфликта она ищет в церковных службах.

«10 апреля. Ночь. Была у 12-ти Евангелий, вечером сидела у Огневых, хорошо говорили. Я решила говеть. Хотела причащаться в Светлый Праздник, но священник находит это неудобным. Решила, что лучше в Вел<икую> Субботу. Я надеюсь, это меня успокоит. <...> Получила нынче уведомление, что я избрана в Члены Союза писателей» (ДЛ. Л. 71).

8 мая Лопатина получает письмо из «Нового слова»: «Меня просят быть сотрудницей, присылать следующие вещи и т. д., говорят мне, что это важно, т<ак> к<ак> у меня есть много поклонников, зачитывающихся романом, и т. д. Я никогда не смела мечтать об этом» (ДЛ. Л. 93 об.). 22 мая: «У меня утром были <П. Б.> Струве и <С. Н.> Булгаков из редакции Нового Слова. Приглашали присылать вещи, благодарили и т. д. Я была смущена и счастлива... Но я не могу о них теперь думать» (ДЛ. Л. 111). Сама цельность характера Лопатиной, главное в ее личности и мировосприятии, подвергается страшному испытанию: она разрывается между любовью к Л. Ф. Маклаковой – и страданием за нее перед своей семьей, любовью к Токарскому – и мыслью «может ли честный человек, живя с любовницей, искать моей близости?» (ДЛ. Л. 113 об.; запись 27 мая 1897 г.). И все ее мысли – о пропасти между тем счастьем, каким представляются ей отношения с Маклаковой, и тем ужасом, в который ее погружает чувство к Токарскому. Ни противиться этому чувству, ни выйти из очерченного круга она не может и только вновь и вновь спрашивает себя:

«Что мне делать? Я всё время как во сне и ничего не понимаю. <...> Что это – грех? Грех овладевает мною? Ничего не понимаю, но мне нехорошо. Но – самое худшее – неужели это портит *наши* отношения, отнимает у меня всё, самое мне

дорогое и близкое, и важное, самое святое, что у меня есть?»²⁸ – Нет, это совсем невозможно. – Но, должно быть, я просто порочный и больной человек. Иначе откуда было взяться всему, что я испытываю?» (ДЛ. Л. 102 об.; запись 17 мая 1897 г.).

«Желание его видеть, чувство измены перед ней, страх сделать ей больно и тоска по ней, страх всего – измучили меня. <...> Как милосерд ко мне Господь всё это время, и как бесконечно гадка я. Это пугает и мучает меня жестоко...» (ДЛ. Л. 113–114; запись 27 мая 1897 г.).

Летом Лопатины в Царицыне. Самые поэтичные страницы ее дневника посвящены описанию долгой прогулки в «удивительно хороший, июньский вечер», когда «в самом воздухе разлито что-то, чем должен и может человек наслаждаться» (ДЛ. Л. 119, 123; запись 4 июня 1897 г.), а с пруда доносятся цыганские песни:

«Что за сила искусства, красоты? Отчего у меня так бьется и сжимается сердце? Отчего мне хочется плакать? Куда унесли меня эти звуки? Я ничего не знаю. Но я знаю, что какая-то незримая, огромная, где-то до сих пор скрывавшаяся волна накинула <сь> на меня, подхватила и теперь уже не остановиться. <...> Мне надо было только слышать эти звуки. И, как загипнотизированная, я шла за этим голосом дальше и дальше. <...> “Мой костер в тумане светит, искры гаснут на лету, ночью нас никто не встретит, мы простимся на мосту...”» (ДЛ. Л. 126 об.).

Замечательно, что и вечерние прогулки в парке, и пение именно цыганских песен были описаны ею в уже вышедшем романе (его публикация заканчивалась в июльском номере «Нового слова») – и были особо отмечены Буниным,²⁹ а теперь (заново?) сбывались в жизни. Пытаясь отдать себе отчет в охвативших ее чувствах, Лопатина понимает, что это – «любовь. Самый огромный и жестокий, вечный обман, самое [огромное, мучительное]³⁰ огромное и лучшее, что есть на свете» (ДЛ. Л. 129 об.), и что эта стихия связана в ее душе именно с «ним», и что отныне она будет следовать только этому голосу. Но уже через несколько дней всё вновь переворачивается, за пережитым потрясением следует решение отказаться от встреч с Токарским, бежать «от этого всеми зависящими от меня средствами» (ДЛ. Л. 132; запись 10 июня 1897 г.), а новая встреча с Маклаковой³¹ укрепляет в мысли быть верной только «ей»: душевная близость с Л. Ф. Маклаковой, по крайней мере на время, перевешивает всю жажду иной любви:

«Когда она говорила мне о страданиях, кот<орые> я ей доставляла, о том, как она испугалась, всё ее прелестное лицо менялось, и слезы показывались на ее глаза... Вся моя душа переполнена любовью к ней, бесконечным чувством благо-

²⁸ В данном случае имеются в виду отношения с Л. Ф. Маклаковой.

²⁹ Позднее, в пору их московских прогулок начала 1898 г., Лопатина описывает, как Бунин «вдруг сказал: – Потом у вас еще очень хорошо, где поют цыганские песни... Такие есть верные выражения. Очень хорошо» (ДЛ. Л. 187 об.; запись 22 янв. 1898 г.).

³⁰ Слова в [ ] зачеркнуты.

³¹ Лето 1897 г. Маклакова проводила в Спасском, недалеко от Царицына; но именно для той встречи с ней Лопатина ездил в Москву.

дарности к ней. *Мой мир, наш мир* опять охватил меня, это невыразимое, ни с чем несравнимое счастье, и эти страдания. Я так люблю ее, что всё это, то, что мучило меня и ее, кажется мне чем-то совершенно нелепым и ненужным и ушло от меня. Да и когда *так* любишь, разве можно еще думать о чем-нибудь? Когда есть *эти* глаза, – какие еще глаза могут иметь значение?» и т. д. (*ДЛ*. Л. 133 об.–134; запись 17 июня 1897 г.).

Выйти из этого круговорота чувств и мыслей заставляет семейная трагедия. Летом 1897 г. психическим расстройством заболевает брат Лопатиной Николай, тот самый, с которым теснее всего была связана «песенная» сторона жизни и самой Лопатиной, и всей их музыкальной семьи.³² 1 (13) авг. Н. М. Лопатин скончался. «Слава Богу, я была при нем и закрыла ему глаза», – пишет Лопатина 5 авг. (*ДЛ*. Л. 143 об.). В следующие дни и месяцы она переживает сильнейшее религиозное потрясение.³³ Записи в ее дневнике возобновятся только в ноябре 1897 г., они начнутся с подробного описания кончины брата, последовавших церковных служб и перенесенных страданий.³⁴

В этом состоянии душевного разлома ее застает Бунин.

* * *

Осень 1897 г. Бунин проводит то в Москве, то в Петербурге. Очередной раз приехав в Москву, он 17 нояб. приходит в дом Лопатиных – одноэтажный ампирный особняк «послепожарной» постройки на углу Гагаринского и Хрущевского переулков (он сохранился и поныне). Здесь на «лопатинских средах» в разные годы бывали И. С. Тургенев, И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, А. Н. Плещеев, А. А. Фет, А. М. Жемчужников, В. О. Ключевский, В. И. Герье,³⁵ А. Ф. Кони.³⁶ Лопатина и ее братья³⁷ были дружны с детьми С. М. Соловьева,

³² См. ниже примеч. 37 и о Н. М. Лопатине: *Битерякова Е. В.* Николай Лопатин: Штрихи к портрету (К 160-летию со дня рождения) // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 155–165 (за указание этого источника благодарю Т. Г. Иванову). Умерший на следующий день после Ф. И. Буслаева Н. М. Лопатин был похоронен в Новодевичьем монастыре и оказался рядом со старшим собратом по собиранию и изучению русского фольклора (см. *ДЛ*. Л. 166; запись 4 нояб. 1897 г.).

³³ По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, лечащим врачом Н. М. Лопатина был тот «психиатр Т.», с которым у Лопатиной «в то время были очень сложные отношения», т. е., очевидно, А. А. Токарский. После смерти брата Лопатина «стала интересоваться психиатрией, впоследствии сделалась настоятельницей Никольской общины, где читала сестрам лекции по уходу за душевнобольными» (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171).

³⁴ Отдельной темой может стать «толстовская интонация» в дневнике Лопатиной; в этом случае одним из наиболее ярких фрагментов сравнения было бы описание смерти Николая Лопатина в сопоставлении с описанием смерти Николая Левина в «Анне Карениной».

³⁵ Основатель Высших женских курсов, которые посещала и сама Лопатина, и героиня ее романа Зина Чернова, В. И. Герье был соседом Лопатиных по Гагаринскому переулку: они жили в д. 13, а он в д. 30.

³⁶ Об истории дома Лопатиных см.: *Басманов А. Е.* Особняк с потайной дверью. М., 1981.

³⁷ В семье М. Н. и Е. Л. Лопатиных выросло пятеро детей. Братьями Е. М. Лопатиной были *Николай Михайлович* (1854–1897) – собиратель народных песен, фольклорист; *Лев Михайлович* (1855–1920) – философ, профессор Московского университета; *Александр Михайлович* (1859–1934) – юрист, судебный деятель; *Владимир Михайлович* (1861–1935) – юрист, судебный деятель, актер МХТ (псевд. В. Михайлов).

особенно с Владимиром.³⁸ В их доме бывал Л. Н. Толстой, и «толстовская» тема будет одной из ведущих на протяжении всех лет знакомства Бунина с Лопатиной. И в целом, до встречи с ней в бунинский жизни не было такой концентрации живой литературной и философской атмосферы в самом центре старой Москвы (от дома Лопатиных рукой подать до Бульварного кольца и до Пречистенки). На другой день после прихода Бунина Лопатина записывает:

«Вчера в 2 ч. дня у меня были в гостях Скабичевский, Кривенко и молодой писатель Бунин, который сказал, что он мой поклонник и оттого пришел. Я была до глупости счастлива и взволнована. <...> Боюсь, что он (Скабичевский. – Т. Д.) и Б<унин> придут завтра, в среду. Я не устояла и позвала их. Бунина мне ужасно хочется видеть, а Ск<абичевского> я, конечно боюсь» (ДЛ. Л. 169 об.–171).

В среду 19 нояб. Бунина не было,³⁹ его следующий приход 3 дек.:

«Мы с ним много говорили. <...> Я <...> всё занимала Б<унина>. А он, удерживаясь от смеха, сказал мне, что у меня до того портится характер и я так испортилась, что необходимо принимать какие-нибудь меры...» (ДЛ. Л. 172).

В дневнике Лопатина записывает их встречи: 19 дек. (на Тверском бульваре), 23 дек. (в доме на Гагаринском, она читала ему свой рассказ), и каждый раз отмечает, что ей с Буниным «хорошо» и «весело». 30 дек. Бунин неожиданно появляется на ёлке, где присутствует Лопатина, только что пославшая ему письмо с благодарностью за вчерашний визит.⁴⁰

«Я была так рада. <...> Он мне сказал, что потому любит ходить к нам, что совсем не лжет, говоря со мною, – а то ведь всё приходится лгать... И мы условились не лгать друг другу, благо мы так “не пошло” познакомились. Потом я с ужасом призналась, как мне много лет, он хохотал и говорил, что знал это <...> Л. Ф. <Маклакова> про него сказала: – какой красивый Б<унин>» (ДЛ. Л. 178–180).

1 янв. 1898 г., встретив Новый год у М. Ф. и Ф. А. Беркенфельдов, Бунин пришел к Лопатиным.⁴¹

«Бунин пришел, когда уже начался второй час, с цветками гвоздики белой в руке. <...> В разговоре с мамой спокойно рассказал, что его брат был три года под надзором полиции. Теперь его у нас будут бояться. Мне, впрочем, всё равно. Я очень обрадовалась, что он пришел, мне это казалось хорошим предзнаменованием» (ДЛ. Л. 181–181 об.).

---

³⁸ Об этом см. воспоминания Лопатиной, опубликованные под ее литературным псевдонимом: *Ельцова К.* Сны нездешние (К 25-летию кончины В. С. Соловьева) // *Современные записки.* 1926. Кн. 28. С. 225–275.

³⁹ 20 нояб. Лопатина отметила это в дневнике (ДЛ. Л. 171).

⁴⁰ Накануне Бунин оставил для нее № 1 журн. «Детское чтение», где был опубликован его рассказ «В деревне», и рецензию на роман Лопатиной, переписанную им из журн. «Жизнь».

⁴¹ М. Ф. и Ф. А. Беркенфельды, родственники редактора «Вестника воспитания» Н. Ф. Михайлова, с которым Бунин сошелся в предыдущий год, жили в собственном доме на Вознесенской ул. (№ 19–21), что на Гороховом поле, откуда до дома Лопатиных пешком идти полтора часа; хочется думать, что Бунин взял извозчика.

Возможно, что уже в тот свой приезд в Москву Бунин поселился в меблированных комнатах Гунст на Хрущевском пер., д. 5, в двух шагах от дома Лопатиных. И 2, и 7 янв. он снова приходит к ним:

«Бунин был ужасно мил. Пришел рано и рано же ушел. У меня было чувство, что мы так близки, так понимаем одинаково. Он спрашивал меня, очень ли <он> не понравился мне, когда я увидела его в “Нов<ом> слове” в П<е>т<ер>б<урге> в прошлом году, – я сказала, что теперь у него совсем не такой вид. Он уверял, что я уже это говорила ему не раз. Потом спрашивал, показался ли мне нахалом, когда пришел осенью с Ск<абичевским> и Кривенко. – Я к вам еще в прошлом году хотел прийти, – сказал он. Я так рада...» (ДЛ. Л. 183–183 об.; запись 7 янв. 1898 г.).

Бунин и дальше постоянно бывает у Лопатиной, гуляет с ней по Москве, вместе они ходят «по трущобам». В. Н. Муромцева-Бунина позднее уточняла: «Под влиянием Толстого, писавшего о ночлежных домах, Иван Алексеевич с Катериной Михайловной, как он ее всегда звал, ходили по ночлежным домам и притонам в Проточном переулке, близ Новинского бульвара». ⁴² В свои последние годы Бунин вспоминал об этих прогулках, на случайно попавшей под руку сигаретной коробке он записал: «Мы с Лопатиной по трущобам в Москве в 1897[–98] (?) году». ⁴³ Память подвела его в точности года, но воспоминание, в котором сошлись «сильное и тяжелое» (ДЛ. Л. 184 об.) впечатление от «углов» и ощущение молодости, радости и веселья, которое сопровождало весь первый период его отношений с Лопатиной, жило в нем до последних лет. После одной из прогулок Лопатина записывает:

«Мы с ним <Буниным> много гуляли, на реке, у Дорогомилова, везде. Много говорили. На нем было удивительное пальто. В этом пальто, прямом, ярком, суконном, с широкими плечами, с отворотами, как у сюртука, в синем кашне и шапочке, с вязаными перчатками он имел такой изящный, славный вид. Когда нас одна старушка, когда-то бывшая горничной, привела в свою каморку, он вдруг стал торопить меня. – Я не могу ее видеть, – повторял он, и мне казалось, что он плачет, или готов заплакать. А день был так удивительно хорош, совсем весна, особенно, когда выглядывало солнце. Снег таял, всюду грязь. <...> <...> Потом я смеялась, что опишу его. – И я ведь вас опишу. И он стал говорить, что я очень типична, даже походка. – Чего же я тип? – Барское дитя... – повторил он. – Я так этому рад... У вас и походка, вы ходите немного сгорбившись, точно тургеневская героиня. Право. Робко, скромно. Под защиту родного гнезда» (ДЛ. Л. 186 об.–188; запись 22 янв. 1898 г.).

Может быть, именно этот день Бунин вспоминал спустя полвека в одной из своих записных книжек: «К. М. Лопатина говорила мне в ту пору, когда я года два оч<ень> часто ходил к ней в ее старинный дворянский дом в Гагаринском переулке (годы 1897, 1898) с *плачущим смехом* (мне обо мне), жалостным: – Ну какой милый, какой смешной! Идет по Арбату

⁴² Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171.

⁴³ РАЛ. MS 1066/715 (100). Запись сделана синей шариковой ручкой, которая могла появиться у Бунина только после окончания войны и записи которой делались Буниным не раньше июня 1949 г.

в своем старом пальтеце и пресерьезно говорит: “Погодите, погодите, я буду знаменит на всю Европу!”».⁴⁴ А до того они вместе вспоминали его – в один из приездов Лопатина к Буниным в Грасс, в конце мая – начале июня 1929 г., и то *воспоминание* осталось в дневнике жены Бунина Веры Николаевны, так передавшей его слова: «Я сказал ей <Лопатиной>, когда покупал куртку, посмотрел в зеркало и подумал: “Нехорош стал”... А она напомнила мне: “Помните, мы шли по Арбату, и Вы говорили: «Чувствую, мир перевернуть могу», а шея гусятая, длинная, и в тяжелых калошах”». Нет, – прибавил Ян, – я и в молодости кое-что понимал».⁴⁵

С теми прогулками для Бунина на долгие годы связалось ощущение почти избыточной полноты жизни, – во всяком случае в их описании и в позднейшем обобщении совпадали и настроение, и детали: «Разве можно сказать, что такое жизнь? – говорил он в 1928 г. Г. Н. Кузнецовой. – В ней всего намешано... Вот у меня целые десятилетия, которые вспоминать скучно, а ведь были за это время миллионы каких-то мыслей, интересов, планов... Жизнь – это вот когда какая-то там мусть за Арбатом, вечереет, галки уже по крестам расселись, шуба тяжелая, калоши... Да что там! Вот так бы и написать...».⁴⁶

В 1931 г. Бунин рассказывал Г. Н. Кузнецовой: «Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме. Но это было не то, что влюбляются в дом оттого, что в нем живет любимая девушка, как это часто бывает, а наоборот. Она мне нравилась потому, что нравился дом...».⁴⁷ Говоря так, Бунин чуть не повторял толстовское описание в «Анне Карениной»: «В это время Левин часто бывал в доме Щербацких и влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких».⁴⁸

По совету Бунина Лопатина пытается описать жизнь бедноты («это злобоние, <...> эти лица, эту грязь, эти каморки»; *ДЛ. Л.* 186 об.), 24 янв. читает ему свой только что написанный рассказ «Морозною ночью»: «Мне было совестно читать нестерпимо, а он то и дело обрывал меня, делал замечания, хохотал». По окончании чтения Бунин «взял молча, перебирая листы, тетрадку и стал делать разные замечания». «Я была так рада. Мы долго, долго и так

---

⁴⁴ РАЛ. MS 1066/551. Запись сделана синей шариковой ручкой, т. е. не раньше июня 1949 г. (см. примеч. 43). И Бунин, и Лопатина не раз вспоминали эти казавшиеся тогда курьезом слова. В позднем разговоре с В. Н. Буниной Лопатина приводила их в контексте бунинского «сватовства» к ней весной 1898 г. (см. ниже). Их же Бунин приводил в разговоре с Кузнецовой в июне 1931 г.: «Он еще рассказывал, между прочим, что когда Кат. Мих. смеялась над ним, он как-то сказал ей: “Вот увидите – я буду известен не только на всю Россию, но и на всю Европу!”» (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 218). См. также далее примеч. 63.

⁴⁵ РАЛ. MS 1067/395. Дневник В. Н. Буниной; запись 28 мая 1929 г. См. также: Устами Буниных... Т. 2. С. 204.

⁴⁶ *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 96.

⁴⁷ Там же. С. 217.

⁴⁸ *Толстой Л. Н.* Анна Каренина (часть первая, VI) // Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 18. С. 24.

удивительно хорошо говорили. Так удивительно много он понимает. Следует писать» (ДЛ. Л. 188 об.–189). Вероятно, это совместное чтение и откроет возможность будущей общей работы: через месяц они будут вместе редактировать журнальный вариант романа «К. Ельцовой» для книжной публикации.

27 янв. Лопатина рассказывает Бунину о болезни Л. Ф. Маклаковой, из-за которой она была в страшной тревоге. «Ну, ведь, *было*, – возразил он так мило. Я стала жаловаться, что она одна... – Мы все одни, – успокоительно сказал он. <...> Б<унин> был мил, и мил был хорошо» (ДЛ. Л. 190).

30 янв. Бунин вновь на Гагаринском. О чем шел разговор, неизвестно, но, оставшись одна, Лопатина пишет: «Нынешний вечер я чувствую, как сильно сблизил меня с ним. Это совсем хороший человек и всё меньше и меньше недоговоренности. Писала рассказ при нем. <...> Вечером <завтра> собираюсь ехать в Птб. Молось Богу о нем, обо всем» (ДЛ. Л. 190 об.).

Лопатина уезжает в Петербург, где готовится отдельное издание ее романа, и Бунин не может дожидаться ее возвращения. 16 февр. он едет следом, и тотчас по приезде, утром 17 февр. приходит к ней: «все дни мы почти не расставались», – напишет Лопатина, вернувшись в Москву (ДЛ. Л. 191 об.).

«Он то сидел у нее⁴⁹ на Лиговке, то провожал меня в “Сын отечества”, то отвозил еще куда-нибудь; поправлял оттиски моего романа, и раз я была у него в номере на Пушкинской.⁵⁰ Понемногу все стали замечать, намекали на его любовь, почти упрекали меня, острили и смеялись. <...> Он делался всё страннее, стал минутами несносен» (ДЛ. Л. 191 об.–192).

Наконец произошло объяснение, которое Лопатина подробно описывает в своем дневнике:

«Вечером он ждал меня в Союзе писателей. Я никогда этого вечера не забуду. Никогда, кажется, я его таким не видала. Так он был бледен, грустен, мил. Так мы тихо, грустно и хорошо говорили. <...> Он поправлял мой второй оттиск, хвалил эту часть. Мне было страшно грустно, и казалось, что у него на глазах слезы. <...> Из Союза <писателей> он пошел за мной, провожать меня. Как я помню эту ночь. Шел снег, что-то вроде метели. <...> Наконец, уже на Садовой, мы заговорили и всё было сказано. Мне вдруг стало легко говорить с ним. Мы пешком дошли до Мастерской, и было так грустно, я сказала ему, что боюсь его увлечения, его измученного лица и странного поведения, иначе не стала бы говорить; что я не могу пойти за ним теперь, не чувствую силы, не люблю его настолько. Он говорил о том, как никогда и не ждал этого, как во мне он видит весь свет своей несчастной жизни; он не боялся этого, потому что ему нечего терять, ему уже давно дышать нечем; без меня у него тоска невыносимая, но это не какая-нибудь обыкновенная влюбленность, кот<орую> легко остановить, а трезвое, настоящее чувство, очень сложное, и расстаться со мною ему невыносимо уже теперь.

Как разграничить, где влюбленность, где просто близость, где любовь? Он не мальчик, и чувство его не легкое. <...> Он простился со мной, но вдруг вспомнил о романе и вернулся. Я протянула ему руку, он поцеловал ее, и мы расстались» (ДЛ. Л. 191–194).

---

⁴⁹ Т. е. Л. Ф. Маклаковой.

⁵⁰ Вероятно, имеются в виду меблированные комнаты Пименова на Пушкинской ул., д. 1 (неподалеку от Лиговского пр.), где Бунин уже останавливался осенью 1897 г.

21 февр. Лопатина уезжала в Москву, Бунин провожал ее, «бледный, даже желтый», говорил, что «вероятно, уедет в понедельник в Нормандию», и «на глазах у него «были слезы» (ДЛ. Л. 194–194 об.). Приехав в Москву, Лопатина тут же пишет ему письмо: «Я говорила ему, что мне грустно, что я хочу его видеть и хочу, чтобы он знал это, но не зову его... Послала вечером с посыльным на вокзал» (ДЛ. Л. 194 об.). Еще не получив письма, Бунин провёл в Петербурге «горькие и безумные два дня»,⁵¹ получив – сразу вернулся в Москву и пришел на Гагаринский.

«Кто я был тогда? У меня ничего не было, кроме нескольких рассказов и стихов. Конечно, я должен был казаться ей мальчиком, но на самом деле вовсе им не был, хотя в некоторых отношениях был легкомыслен <...> С таким легкомыслием я и сказал ей однажды, когда она плакалась мне на свою любовь к Х: “Выходите за меня замуж...”. Она расхохоталась: “Да как же это выходить замуж... Да ведь это можно только тогда, если за человека голову на плаху можно положить...”. Эту фразу очень отчетливо помню», – рассказывал Бунин спустя тридцать с лишним лет Г. Н. Кузнецовой.⁵² Из этого, в частности, ясно, что роман Лопатиной с Токарским («очень странный и болезненный», как вспоминал тогда же Бунин, но еще не ставший непреодолимой преградой) не был для него тайной, но на его чувство к ней это не влияло.

В конце февраля – начале марта 1898 г. Бунин в Москве, у Лопатиной, и она записывает: «Он у меня постоянно, мы вместе работаем. Теперь всё ясно, он говорил мне всё и просил всё оставить по-прежнему <...> Мне теперь с ним легко, в наших отношениях есть много поэтичного, и, хотя часто меня пугает мысль, что с ним будет, думаю, что иначе поступить я не должна» (ДЛ. Л. 195).

Принято считать, что Бунин помогал Лопатиной в работе над сокращением её «многословного романа»⁵³ «В чужом гнезде» для отдельного издания.⁵⁴ Однако сличение журнального и книжного вариантов показывает, что сокращения были единичны и касались только отдельных второстепенных деталей, и так во множестве оставленных на страницах романа. В перспективе последующих лет ясно, что это была только первая примерка Буниным возможно-

⁵¹ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 255.

⁵² Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 217–218.

⁵³ Вероятно, это было распространенное читательское впечатление: «живым, вылившимся из страстно-взволнованной женской души, и... многословным» спустя много лет назовет роман Лопатиной З. Н. Гиппиус (см.: Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 459), и даже В. Н. Бунина признает, что Лопатина «страдала многословием» (*Муромцева-Булнина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* С. 169). Сходным образом отзывалась после первого прочтения романа и Г. Н. Кузнецова, мимо которой прошли все народнические мотивы, см. ее запись 4 июня 1929 г.: «Сегодня с утра читала роман Кат. Мих. (Лопатиной), прочла весь. Даже в сокращенном виде он очень велик, но я много передумала, читая его. Вот разность поколений! Триста восемьдесят страниц только о том, как женатый человек соблазнил девушку! А сколько мы вмечаем в такие триста восемьдесят страниц? Да и нельзя же всё писать только об этом, о любви, всегда о любви!» (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 108.*)

⁵⁴ См. два вышедших друг за другом идентичных издания: *Ельцова К. В чужом гнезде.* Роман. СПб.: Изд. СПб. Акционерного О-ва «Издатель», 1899; 2-е изд. 1900.

сти сжатия романной формы до новеллистического каркаса и что эта работа в полной мере будет проведена им уже в его собственном, и значительно более позднем, творчестве.

Видимо, 8 апр., на дне рождения у Лопатиной, происходит новое объяснение, и в ответ на свои слова Бунин слышит упреки в «чувстве страсти». 11 апр. он пишет ей большое письмо: «В мое чувство к Вам входит, напр., и чувство страсти. <...> Я не скрываю, что <...> люблю порою Вас всю невыразимой любовью. <...> А Вы упрекнули меня и даже больше того – сказали, что у меня это чувство главное. <...> ведь неправда, что только эти чувства у меня к Вам главные. Вы знаете, что я систематически подавляю их и, вероятно, подавлю, чтобы только сохранить наши отношения. <...> Вы видите, что я все-таки счастлив с Вами, я, который не имеет уже никакой надежды на Вашу любовь».⁵⁵

В конце апреля Бунин и Лопатина едут в Царицыно, чтобы снять на лето дачу для Лопатиных. В начале мая туда переезжает и Бунин.⁵⁶ В. Н. Бунина позднее писала: «Начало лета он провел в Царицыне, поселился в “стойлах”, как мы называли комнаты с балконом в саду Дипмана,⁵⁷ где были ресторан, летний театр и номера для одиноких дачников. Там в то время жил молодой писатель, друг Бунина, Телешов <...> Иногда при встречах в огромном вековом царицынском парке они подолгу беседовали с моей мамой на литературные темы».⁵⁸

Очевидно, в Царицыне оказался и А. А. Токарский: он и прошлым летом хотел снять там дачу, но тогда Лопатиной удалось уговорить его этого не делать. На другой год он всё же приехал в Царицыно, здесь объяснился с Лопатиной, и их роман вспыхнул с новой силой, – она рассказывает об этом в дневнике 30 мая (*ДЛ*. Л. 196). Вскоре об этом узнал и Бунин: 1 июня он видит Лопатину с Токарским в царицынском парке (*ДЛ*. Л. 197), а уже вечером пишет брату: «Скоро я покидаю Царицыно. Дело мое осложнилось самым неожиданным фактом: замешался третий человек. Что я пережил – один дьявол знает! Но решил я твердо скоро уехать».⁵⁹

Вероятно, уже через день Бунин уезжает из Царицына. Спустя много лет он вспоминал, что прощался с Лопатиной «поздним вечером (часу в одиннадцать, но еще светила заря, после дождя)».⁶⁰ Тогда Лопатина надела на Бунина образок Казанской Божьей Матери, который ей подарила Л. Ф. Маклакова; потом он его потеряет. По воспоминаниям Лопатиной, на следующий день она провожала Бунина до Москвы.⁶¹ Видимо, уже из Москвы, накануне отъезда

⁵⁵ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 251.

⁵⁶ 8 или 9 мая 1898 г. Бунин пишет брату Ю. А. Бунину: «Переселился я в Царицыно на дачу Ерохова, № 2, квартира Иннокентия Михайловича Михеева. Туда и пиши» (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 253).

⁵⁷ Сад Бальтазара Дипмана, разбитый в 1870-е гг., служил любимым местом прогулок и отдыха царицынских дачников.

⁵⁸ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 172–173. Телешов, видимо, был посвящен в отношения Бунина с Лопатиной и, когда в 1900 г. Бунин раздумывал вновь провести в Царицыне часть лета, отнесся к этому с осторожностью (см. примеч. 75).

⁵⁹ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 254 (письмо Ю. А. Бунину от 1 июня 1898 г.).

⁶⁰ Устами Буниных... Т. 1. С. 33.

⁶¹ См. ниже, а также: Устами Буниных... Т. 2. С. 247.

в Одессу, 16 июня Бунин напишет ей прощальное письмо,⁶² а уже в конце июля сделает предложение А. Н. Цакни.

* * *

Спустя много лет, 5 июня 1931 г., Вера Николаевна Бунина пришла в дом, который по соседству с Буниными снимали в Грассе на лето И. И. и А. О. Фондаминские. Хозяев не было, в доме оказалась только приехавшая в гости Е. М. Лопатина, и, укрывшись от палящего солнца в прохладном доме, женщины долго говорили – о спорах, которые «Илюша» (Фондаминский) вел с Лопатиной о Л. Н. Толстом, о воспоминаниях дочери Толстого Александры Львовны, о том, будет ли писать о Толстом Бунин...

«Потом, – записывает В. Н. Бунина на другой день, – мы, как очень часто, говорили с ней о любви. Она вспоминала о своем романе с И<ваном> А<лексеевичем>, за которого чуть было замуж не вышла.

– Когда он делал мне предложение, я очень смеялась, я всегда смеялась при таких случаях, потому что мне казалось, что меня нельзя... Мы сидели в гостиной, он в сюртуке, бледный, худой, с бородкой, – она делает короткие движения от подбородка вниз, – похожий на Гоголя... Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать. Искали большую, так как нужно было, чтобы никто никому не мешал. Он еще спрашивал: “Зачем такую большую, – комнаты хотите сдавать?”. Я очень смеялась. И он тут сказал между прочим: “Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу”.⁶³ А мне было его жаль. Я, конечно, не верила и думала: дай-то Бог... и жаль, жаль мне его было очень. Мне рассказывали, что где-то он сказал, что я “лучше Венеры Милосской”, и ему тогда кто-то заметил: “Ну, значит, Вы влюблены”. Но я не была влюблена, – у меня был роман с Токарским, и я, конечно, очень колебалась. Володя⁶⁴ говорил: “Он честно тебя любит”. Кроме того, он был моложе на шесть лет...⁶⁵ Но главное, почему я решила не выходить замуж, это после свидания с Токарским, он внезапно поцеловал меня, и я не противилась, значит, как выходить за другого?... Накануне нашей разлуки я плакала, мне было очень жаль его... а на другой день, когда я ехала с ним в поезде до Москвы – провожала его на юг, то у меня на душе было так тяжело, что я думала, что если существует ад, то это и есть такое чувство, какое я испытывала. А он сидел, читал какие-то книги... И потом через два-три месяца женился... Этого я понять не могла. И стал враждебен ко мне... Я при прощании сняла с себя образок и благословила его. Он потом писал, что потерял его. И просил другой, так как “очень суеверен” – боится, что дурной знак.

– Интересно, что вышло бы из этого брака... – засмеялась я. – А может быть, и хорошо... Вы подчинились бы. Только на что бы вы жили, – ведь в те времена он мало зарабатывал...

---

⁶² Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 255–256. Сопоставление с дневником Лопатиной и ее поздним рассказом В. Н. Буниной (см. ниже) позволяют предполагать, что это письмо было написано Буниным не перед отъездом из Царицына, а позднее, перед отъездом из Москвы на юг. Таким образом, можно уточнить и время отъезда Бунина из Царицына: вполне возможно, что между ним и Одессой Бунин еще останавливался по издательским делам в Москве (см.: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 254).

⁶³ Таким образом проявляется хронологическое разночтение относительно того, когда именно Бунин произнес эту запомнившуюся обоим фразу (см. выше цитату из записной книжки Бунина: РАЛ. MS 1066/551), но для общего течения сюжета это неважно.

⁶⁴ Брат Лопатиной Владимир Михайлович (см. примеч. 37).

⁶⁵ Строго говоря, на пять с половиной: Лопатина родилась 8 (20) апр. 1865 г.

– Да, на что бы мы жили? Мы как-то говорили и рассуждали, где жить. Он спросил, где бы я хотела, я сказала – за границей... Я тогда всё в Риме хотела жить... Или в Новом Иерусалиме подле Лидии Филипповны...

– Знаете, она отговаривала...

– Неужели?.. Я не знала. Меня она тоже отговаривала... Она объяснялась с Токарским...

– Знаете, – сказала я, – ведь Ваша мама думала, что вы нервно заболели из-за И<вана> А<лексеевича>.

– Почему Вы знаете?

– Она говорила в отчаянии маме. Как же, когда И<ван> А<лексеевич> появился в нашем доме, то мама очень боялась его демонизма, основывалась на Вашей истории, и только от него мы узнали, что всё дело было в Токарском...»⁶⁶

* * *

В начале июля 1898 г. в печати появилось несколько стихотворений Бунина, в которых так или иначе слышны отголоски его расставания с Лопатиной. В одном из них тот женский образ, который встает на страницах дневника Лопатиной и бунинских писем того времени, рисуется сквозь призму ожесточенных лермонтовских формул:

В твоих задумчивых, внимательных глазах
Есть что-то жесткое, холодное и злое,
И сердце мне порой сжимает тайный страх,
А иногда за то ты мне дороже вдвое.
Мы оба провели всю молодость в слезах;
Нам памятно еще мучение бывшее,
И вот опять растет желанье роковое
Иль умереть, иль жить, но только не в мечтах.
И мучится душа сомнением глухим,
То страстной нежностью, то недоверьем злым,
То мертвым и томительным бесстрастьем...
О, если б прежние доверчивые дни!
Какой бы радостью сияли нам они,
Как были б счастливы мы беззаветным счастьем!⁶⁷

Бунин не включил этот текст ни в одно из своих авторских изданий: возможно, сам чувствовал риторичность выражения того первоначального чувства, которое стало источником стихотворения: «О, если б прежние доверчивые дни!». Уже не лермонтовские (скорее пушкинские) мотивы звучат в написанном через неделю стихотворении:

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, –
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

⁶⁶ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В. Н. Буниной; запись 6 июня 1931 г.

⁶⁷ Опул. в газ. «Южное обозрение» (1898. 5 июля. № 518). Цит. по: *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 227–228 (Новая Б-ка поэта).

Знаю я, – опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне – обмани меня!⁶⁸

В таком контексте дополнительные оттенки получают еще два стихотворения, опубликованные в то же время: «О да, от злобы я молчу...» и «Если б только можно было...».⁶⁹ Первое из них датируется только по летней публикации 1898 г. (в авторские сборники Бунина не входило), второе в Полном собрании сочинений Бунина (1915) имеет дату: «1894», оспаривать которую нет оснований, хотя четыре года разницы между авторской датой и публикацией не могут не настораживать. Однако в данном случае уже неважно, вспомнил ли Бунин в июне 1898 г. о давнем стихотворении, написанном после разрыва со своей первой возлюбленной, В. В. Пашенко, соединив его с актуальным прощанием, или написал оба стихотворения сейчас, передатировав одно из них более ранним годом, – с точки зрения лирического сюжета важно лишь то, что в июне 1898 г. он объединил реплики о своих любовных катастрофах с Пашенко и Лопатиной в одно поэтическое высказывание.

* * *

В следующие месяцы после расставания с Буниным Лопатина пережила мучительный роман с А. А. Токарским, закончившийся для нее нервным заболеванием. Молва приписывала болезнь Лопатиной новому увлечению и женитьбе Бунина: слух об этом, по воспоминаниям В. Н. Муромцевой-Буниной, «окружил» тогда Бунина в ее глазах «романтическим ореолом»,⁷⁰ а для ее родителей стал причиной недоверия к Бунину в начальную пору отношений с ним их дочери.⁷¹ Но, как следует из дневника самой Лопатиной того времени, к действительности эти толки отношения не имели.⁷²

---

⁶⁸ Впервые опубли. в газ. «Южное обозрение» (1898. 12 июля. № 525) и затем входило в разные издания Бунина, в последний раз – в первый том его Полн. собр. соч. (Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1915). Цит. по: *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 181. Общий мотив стихотворения совпадает с «Признанием» А. С. Пушкина («Ах, обмануть меня нетрудно!..» и т. д.).

⁶⁹ Опубли. в журн. «Север» (1898. 5 июля. № 27) под общим загл. «Из дневника».

⁷⁰ Устами Буниных... Т. 2. С. 249. См. также: *Муромцева-Бунин В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 275.

⁷¹ Об этом В. Н. Муромцева-Бунин говорит в приведенном выше разговоре с Лопатиной летом 1931 г. Позднее в «Жизни Бунина» она напишет о том, что, узнав о «ухаживаниях» Бунина за ней, ее мать «испугалась, зная от матери Екатерины Михайловны причину болезни ее дочери» (*Муромцева-Бунин В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 275). Стоит отметить, что в семье Муромцевых читали «В чужом гнезде» и следили за творчеством Лопатиной. 10 июня 1897 г. Лопатина отметила в дневнике посещение Марии Николаевны Муромцевой (урожд. Климентова; 1856–1946), оперной певицы и жены председателя I Государственной думы С. А. Муромцева, яды В. Н. Муромцевой-Буниной: «Вчера заходила без нас вечером М. Н. Муромцева и оставила пять срезанных роз. Нынче я была у нее, и она мне сказала, что это “молодому таланту”. Меня это страшно тронуло» (*ДЛ.* Л. 132).

⁷² Тем не менее и через тридцать с лишним лет В. Н. Бунина повторяла, что Лопатина «была очень задета его <Бунина> женитьбой через два месяца после предложения ей», и сам Бунин соглашался: «Да, и тоже был поступок идиотский. Поехал в Одессу и ни с того ни с сего женился» (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 218; запись 5 июня 1931 г.).

Через два года, в апреле 1900 г., в один из своих самых ярких, насыщенных, радостных приездов в Ялту (как раз в это время МХТ привез показать Чехову несколько спектаклей, каждый день Бунин виделся и с труппой, и с Чеховым, и с Горьким, и, по собственным словам, «закружился: трубочки, водочки, поездки по горам и долинам...»⁷³) Бунин снова встретился с Лопатиной: врачи послали ее в Крым поправлять здоровье.⁷⁴ Возможно, с этой встречей была связана идея Бунина провести лето 1900 г. в Царицыне,⁷⁵ но Лопатины в тот год в Царицыне не жили, и Бунин никогда больше там лета не проводил. Зато осенью 1903 г., приехав в Москву, снова остановился в меблированных комнатах Гунст, «рядом с особняком Лопатиных, где он некогда проводил почти все свои досуги».⁷⁶

* * *

После 1900 г., выпустив в свет свою единственную книгу, пережив роман с А. А. Токарским и оправившись от душевного потрясения, Лопатина отошла от литературы.⁷⁷ Она посвятила себя благотворительности, с 1914 г. трудилась в возрожденной тогда Никольской общине сестер милосердия при Дамском попечительстве о бедных в Москве.⁷⁸ «После тяжких переживаний

---

⁷³ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 316 (письмо Бунина Н. Д. Телешову от 28 мая 1900 г.).

⁷⁴ В книге В. Н. Буниной эта встреча отнесена к 1899 г. (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 181), однако в источниках, восходящих к самому Бунину, подтверждения этому не находится, а хронология мемуарных очерков его жены в очередной раз показывает свою уязвимость и необходимость перепроверки иными свидетельствами. В данном случае упоминание о встречах с Лопатиной, «которая живет тут с Маклаковой», находится в письме Бунина брату, Ю. А. Бунину от 18 апр. 1900 г. (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 314; пояснение в комментариях, относящее это упоминание к Марии Алексеевне Маклаковой, по всей видимости, ошибочно, см.: *Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 614). Сама Лопатина только <15?> дек. 1899 г. сообщает А. М. Скабичевскому: «Я еще и теперь поправилась далеко не совсем и собираюсь в путешествие, еду в Крым, окрепнуть у моря и солнца» (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 7 об.). В это время она переживает один из самых тяжелых периодов в отношениях с Токарским, и упоминания о Буinine в ее дневнике единичны (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 5, ед. хр. 137 (6), л. 37, 40; записи 15 и 26 апр. 1900 г.).

⁷⁵ Об этом Бунин писал Телешову 28 мая 1900 г.: «В июле или раньше, вероятно, приеду в Москву или под Москву – в Царицыно, напр., на полмесяца: нужны материалы для биографии Никитина, которую я взялся написать» (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 317), на что Телешов отозвался сомнением в истинных причинах такой поездки: «Ты что-то опять насчет “Царицына” прохаживаешься. Ведь это черт в стуле! Впрочем, не знаю» (Переписка <И. А. Бунина> с Н. Д. Телешовым. 1897–1947 / предисл. и публ. А. Н. Дубовикова // Иван Бунин: [Сб. материалов]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 510 (Литературное наследство. Т. 84); письмо от <6 июня 1900 г.>).

⁷⁶ *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 232. Здесь же В. Н. Муромцева пишет, что меблированные комнаты Гунста, в которых Бунин тогда остановился, находились в Нашокинском переулке, но это ошибка памяти: сам Бунин в письме К. П. Пятницкому от 8 окт. 1903 г. указывает свой адрес как «Пречистенка, Хрущевский пер., д. Гунст» (см.: *Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 431); там же Бунин останавливался и в другие свои приезды в Москву.

⁷⁷ Отдельные мемуарные очерки Лопатиной поздних лет см. по: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin... Collections...* P. 353–354.

⁷⁸ См.: *Козловцева Е. Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века*. М.: ПСТГУ, 2010. С. 21, 25–26, 30 и др.

на Кавказе, – куда попала, в первые годы большевизма, московская Община Ек<атерины> М<ихайловны>, – она, с неизменным своим другом, председательницей Общины, О<льгой> Л<ьвовной> Еремеевой, и несколькими сестрами, очутилась в Болгарии. Затем переезд во Францию <...>». ⁷⁹

Начиная с лета 1923 г. на юге Франции, в Грассе, Бунины стали проводить большую часть года.⁸⁰ Неподалеку от них на вилле Альба жили тогда Е. М. Лопатина и О. Л. Еремеева. ⁸¹ В марте–апреле 1925 г. Бунины гостили там вместе с И. И. и А. О. Фондаминскими. В дневнике В. Н. Буниной остались записи их разговоров, один из них (по дороге на Каннский вокзал, навстречу ехавшим из Германии Ф. А. и Н. И. Степунам) – 18 марта 1925 г.:

«Ян <...> очень вспотел в поезде, а в Грассе было холодно. Он купил джинну и немного согрелся, а потом пил еще вино у Фондаминских, потом дома за обедом, а потому был очень весел. Завел разговор с Ек<атериной> Мих<айловной> о бессмертии души, в котором приняли все участие. Ян верит в то, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя страстно желал бы этого.

– Ведь я не верю в смерть». ⁸²

20 апр. 1925 г. Лопатиной исполнялось 60 лет. Накануне ее дня рождения, в Страстную пятницу В. Н. Бунина пишет: «Ек<атерина> М<ихайловна> упоена службами. Она самая счастливая из всех нас, делает то, чего душа просит. Я люблю ее слушать, когда она говорит о службах. Ей бы следовало написать обо всем этом».⁸³ Вместе с Лопатиной В. Н. Бунина часто бывает в Архангело-Михайловской церкви в Каннах,⁸⁴ переписка с «Лопатэншуккой»⁸⁵ и разговоры с ней на литературные (например, о Прусте⁸⁶) и религиозные темы – едва ли не главная опора для В. Н. Буниной в течение десяти лет (от

---

⁷⁹ *Гитлиц* З. Н. Своими путями... С. 459.

⁸⁰ В мае 1923 г. Бунины сняли в Грассе виллу «Mont Fleury». На ней, а потом (с 1925 г.) на вилле «Belvédère» Бунины проживут, хотя и с перерывами, до сентября 1936 г.; потом вернутся на нее на лето 1939 г. и, уже покинув «Belvédère», проведут всю войну в Грассе на другой вилле, «Jeannette».

⁸¹ И В. Н. Бунина, и Г. Н. Кузнецова удивлялись разнице и абсолютному согласию между «сестрами». «Они – Марфа и Мария, невозможные друг без друга. Их связывает чуть ли не тридцатилетняя дружба, несмотря на страшную разность во всем», – напишет о них позже Г. Н. Кузнецова (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 204*).

⁸² РАЛ. MS 1067/383. Дневник В. Н. Буниной; запись 18 марта 1925 г.

⁸³ Там же; запись 17 апр. 1925 г.

⁸⁴ 21 марта 1925 г. В. Н. Бунина записывает: «Я нигде так не чувствую всё совершившееся в России, к<а>к в Каннской церкви» (Там же). Годом ранее в крипте этой церкви был похоронен принц Петр Александрович Ольденбургский (см. очерк Бунина «Его Высочество», 1931), в 1929 г. в ней похоронили вел. кн. Николая Николаевича (Младшего), в 1931 г. – вел. кн. Петра Николаевича.

⁸⁵ Письма Е. М. Лопатиной к В. Н. Буниной 1924–1932 гг. см.: РАЛ. MS 1067/3986–3992; письма О. Л. Еремеевой к В. Н. Буниной 1930–1941 гг. см.: РАЛ. MS 1067/2176–2197.

⁸⁶ Впервые прочитав «В поисках утраченного времени», В. Н. Бунина именно Лопатиной призналась: «Считаю знакомство с ним (Прустом. – Т. Д.) событием в своей жизни <...> мне кажется, что, проживи он еще несколько лет, он дошел бы до Бога, до личного бессмертия» (РАЛ. MS 1067/3990; письмо от 5 дек. 1929 г.).

встречи во Франции до смерти Лопатиной в 1935 г.). «Всякий раз, как я вижу с ней, с Loratin, мне кажется, что я глотнула “живой воды”», – признается она в один из самых трудных периодов своей жизни.⁸⁷

В декабре 1924 г. Лопатина и Еремеева перебираются в Шато де Клозон (Château de Clausonne), в местечко Биот (Biot), расположенное к востоку от Антиб и в 20 километрах от Грасса. Они организуют там «дом отдыха на открытом воздухе», «preventorium» против чахотки для детей русских эмигрантов.⁸⁸ И Бунин, и его жена несколько раз приезжали к «клозонским барышням»,⁸⁹ об этих поездках сохранились недатированный очерк Буниной «Как хорошо в Шато Клозоне»⁹⁰ и дневниковые записи Г. Н. Кузнецовой, в которых Клозон встает «ощущение<м> старого деревенского усадебного мира».⁹¹ Образ Лопатиной тех лет отражен и в мемуарной зарисовке З. Н. Гиппиус:

«Душа, а, вернее, всё существо Е<катерины> М<ихайловны> было насквозь религиозно. В ней, человеке не отвлеченных мыслей, а горячих чувств, жизненные нити свивались сложным клубком. <...> Когда она бежит по крутой лесной дороге, в темноте, вниз, куда-то в Антибы, а то и дальше, я пугаюсь: Катя, да как же вы назад, пешком, все эти километры? (Я знаю, что у нее плохое сердце, что ей вредно.) Но она, и смеясь, и жалуясь, хлопочет, торопливо закалывает косынку, беспокоится: “Только бы успеть, только бы вышло...”».

Полумонашеская одежда, которую она носила, отнюдь не делала ее монахиней в условном смысле. В ней оставалась и московская Катя Лопатина, подвижная, экспансивная, с острым чувством эстетики, с тонким юмором в рассказах: подчас нелепая, способная и жаловаться, и восхищаться, и возмущаться. А подо всем этим горело в ней какое-то трепетное пламя, и даже те, кто не умел видеть, чувствовал, приближаясь, его тепло».⁹²

⁸⁷ РАЛ. MS 1067/408. Дневник В. Н. Буниной, запись 7 сент. 1933 г.

⁸⁸ В газ. «Возрождение» (1934. 8 июня. № 3292) была опубликована неподписанная заметка «Русский преванториум в Биоте». В ней говорилось: «Ввиду поступающих запросов, нас просят сообщить, каким именно путем самоотверженным руководительницам русского преванториума в Биоте, г-жам Лопатиной и Еремеевой, удалось устроить несколько льготных вакансий для русских детей. / Преванториум, открытый в 1926 году без всяких средств, вначале мог существовать на самокупаемости. Но общий кризис вызвал задолженность родителей за все восемь лет, превышающую 75 000 франков. Преванториуму грозило закрытие. / Тогда его руководительницы обратили внимание на землю преванториума, где поставили и развили куроводство, разводку коз и породистых собак. Опыт первых двух лет был удачен и позволил добавить к этим отраслям еще две новых <:-> кролиководство и пчеловодство. / Это и дало возможность устроить теперь при преванториуме несколько льготных вакансий для русских детей. / Через преванториум прошли уже сотни наших детей. Нельзя забывать, что он начал свою деятельность еще под Москвой в сосновом бору, в Сокольниках, где когда-то его устроительница была открыта “первая школа на открытом воздухе” по американскому методу. Теперь преванториум в Биоте пользуется заслуженной славой в русской эмиграции. / Адресоваться: Château F. de Clausonne. Biot (A. M.)».

⁸⁹ Так В. Н. Бунина называет Лопатину и Еремееву в письме к Бунину от 20 сент. 1934 г. (РАЛ. MS 1067A/62).

⁹⁰ РАЛ. MS 1067/15.

⁹¹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 112 (запись 29 июня 1929 г.) и др.

⁹² Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 459–460.

В 1929 г. свои первые впечатления от Лопатиной записывает Г. Н. Кузнецова:

27 мая: «Гостит К. Мих. Лопатина. Разговаривали с ней сегодня в отсутствие «старших»,⁹³ уехавших в Канны. Говорила о своем романе, о том, как она писала его, и о религии. <...> Кат. Мих. огорчена тем, что в писаниях Бунина столько страха смерти и «мало Бога»». ⁹⁴

4 июня: «Кат. Мих. Лопатина живет рядом со мной. Сокращает с помощью В. Н. <Бунинной> свой роман для предполагаемого второго издания. За столом ежедневно подымается какой-нибудь спор, чаще всего на религиозные темы». ⁹⁵

Тогда же о Лопатиной пишет В. Н. Бунина: «В это свидание с Эк<атериной> Мих<айловной> я много от нее получила. Она рассказала мне все свои главные романы. [...] Эк<атерина> Мих<айловна> до сих пор молода, чувственно воспринимает жизнь, полна интереса и вкуса к ней». ⁹⁶

Летом 1929 г. Бунин дописывает четвертую книгу «Жизни Арсеньева». Она заканчивается описанием смерти и панихиды по вел. кн. Николаю Николаевичу, и Бунину не хватает точных слов церковной службы. Тогда он пишет Лопатиной срочное письмо – просьбу:

«Сестрица, милая, сделайте мне большое одолжение – и, если можно, *немедленно*. Мне нужно, для описания панихиды по Великому Князю, несколько возгласов и молений, наиболее трогательных и возвышенных. Напишите мне их: во-первых, *начальный* возглас, потом что-нибудь из *середины* и из *окончания*.⁹⁷ Помню кое-что, но боюсь спутать. Как это должно быть, – например, такие слова? – “Благодарному Государю, Великому Князю Н. Н. ...” Что дальше? И еще: “У Христа Бессмертного Царя Небесного...” Что опять дальше? Что именно “проси-им...”?»

У Вас, верно, есть *требник*. Живет с Вами Батюшка. Да Вы, верно, и сами знаете. Только напишите *точные* слова (и *разборчиво*)⁹⁸ – читать Вас, при всем удовольствии, всегда великая мука).

Целуем Вас и О<льгу> Л<ьвовну>, храни Вас Господь.

Ваш Ив. Бунин.

Р. С. У Вас анафемские чернила, расплываются. Впрочем, прилагаю бумагу – может, на ней не расплывутся». ⁹⁹

На этом же листе в верхнем правом углу рукой Е. М. Лопатиной отмечено: «Получено и отвечено» 2 авг. 1929». Вот начало ее ответа:

⁹³ Т. е. И. А. и В. Н. Буниных.

⁹⁴ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 106.

⁹⁵ Там же. С. 108.

⁹⁶ Устами Буниных. Т. 2. С. 204. Запись В. Н. Бунинной 6 июня 1929 г. Купюра в [ ] принадлежит публикатору М. Э. Грин.

⁹⁷ Все до сих пор выделенные слова в этом письме подчеркнуты Буниным красным карандашом.

⁹⁸ Подчеркнуто красным карандашом.

⁹⁹ РАЛ. MS 1066/3675. Автограф. Письмо не датировано, но судя по записи Кузнецовой 1 авг. 1929 г. («Вчера кончена 4-я книга “Арсеньева”» – Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 119) и ответу Лопатиной (см. ниже), написано 31 июля или 1 авг. 1929 г.

«Дорогой Иван Алексеевич,
простите, если гадко, но с большим благоговением и любовью исполнила Ваше желание и переписала весь чин панихиды из требника батюшки, главное начало, т<ак> к<ак>, думаю, оно нужнее всего Вам. Красными чернилами подчеркнула то, что меня особенно поражает в смысле красоты. Прощение, которое запомнилось Вам, во всяком случае в начале: Милости Божия, Царства Небеснаго и оставления грехов его у Христа Бессмертнаго, Царя и Бога нашего – просим...

Аллилуйя поется особенно грустно и тоскливо и потом “благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим”. За этим *припевом* тропари. Сильнее всех, по-моему: “*Образ есмь неизреченных Твоя Славы*,”¹⁰⁰ аще и язвы ношу прегрешений... и т. д.”.¹⁰¹

На следующий же день Бунин благодарит, и его письмо дает нам наконец прямой, им самим точно сформулированный ответ – кем была для него Е. М. Лопатина не только в юношеские, но и в поздние, зрелые годы насыщенной жизни и умудренного творчества:

«Моя дорогая, милая, сестрица и друг, я почему-то немного заплакал, получивши нынче письмо Ваше, за которое Вас чрезвычайно благодарю. Да, всё это лучшие, высочайшие и прекраснейшие слова на земле, – они всё заставляют простить Человеку¹⁰², раз он их выдумал. А вот всё в мире идет, как будто к исчезновению этих слов – значит, куда же идет? К животному, совсем назад? – А потом Ваше письмо: всегда из из¹⁰³ Вашего путаного многословия исходит что-то такое, что повергает меня просто в страх: настолько Вы [нечто] необыкновенно цельное [что-то] и очаровательное воплощение чего-то чудеснейшего, что было в русской душе и в русской дворянской (глубоко народной) культуре и что, видно, навеки кончено, и концом своим страшит меня.

Милая и родная, целую Ваши ручки и с [истинным восторгом и] истинно братской любовью! Хорошо, что Вы есть. Целуем О<льгу> Л<ьвовну>, дай ей Бог сил.

Ваш Ив. Бунин

3.VIII.29»¹⁰⁴

В последние годы, судя по записям В. Н. Буниной, в разговорах Бунина с Лопатиной всё более властно начинает звучать тема Л. Н. Толстого. Летом 1930 г. Лопатина гостит в Грассе. В обществе Буниных, И. И. и А. О. Фондаминских, М. Алданова «<з>анимала всех Лопатэн. Много рассказывала о Толстых. Алданов всё спрашивал. Возникали и споры, т<ак> к<ак>

¹⁰⁰ Выделенные в этом предложении слова подчеркнуты красными чернилами.

¹⁰¹ РАЛ. MS 1069/33. Приведенные здесь молитвы Бунин включил в описание заупокойной службы в конце четвертой книги «Жизни Арсеньева». Всего сохранилось восемь писем Е. М. Лопатиной Бунину 1925–1933 гг.: РАЛ. MS 1069/30–37; ее письма к В. Н. Буниной 1923–1935 гг. см.: РАЛ. MS 1069/38–93.

¹⁰² Возможно, калька с французского языка, в котором прописная буква в слове «Homme» обозначает человечество и человека вообще.

¹⁰³ Так в тексте: возможно, предполагалось начать эту часть предложения «из-за».

¹⁰⁴ РАЛ. MS 1066/3676. Автограф. Всего за 1925–1929 гг. сохранилось 4 письма и одна почтовая открытка И. А. Бунина Е. М. Лопатиной, см.: РАЛ. MS 1066/3672–3676. За помощь в прочтении наиболее трудных мест писем Бунина благодарю Г. З. Брэдли.

Ек<атерина> М<ихаловна> не любит Толстых и относится даже <ко> Л<ьву> Н<иколаевичу> пристрастно, а Ян как раз очень страстно».¹⁰⁵

Ровно через год, 3 июня 1931 г., Лопатина в гостях у Фондаминских в Грассе читает воспоминания А. Л. Толстой¹⁰⁶ и возмущается грубостью ее отношения к Софье Андреевне. В тот же день все обедают у Буниных, где разговор снова заходит о Толстом: так говорить и спорить могли только те, кто непосредственно примыкал к толстовскому миру и перед кем он впервые вставал со страниц воспоминаний их общих современников. Тогда Бунин предлагает Лопатиной «написать всё краткими абзацами, а он в виде разговора с ней напечатает, тогда это будет очень быстро, и она заработает деньги» (Лопатина мечтала купить для своей общины семисвечник), на что она тут же соглашается.¹⁰⁷ На следующий день, как отмечает В. Н. Бунина, «Лопатэнша» «набросала» уже 20 страниц: «Не знаю, возьмет ли что-нибудь из этого Ян. Слишком у них разное отношение к толстовской сущности...».¹⁰⁸

«Ян» взял, и страницы о том, как воспринимали, читали Толстого в семье Лопатиных, вошли в его «Освобождение Толстого». В разговорах с Лопатиной начала 1930-х гг., в своем тогдашнем чтении и внутреннем поиске связи *всего со всем*¹⁰⁹ Бунин эту книгу только замышлял. Он напишет ее в 1936 г., следующем после смерти Лопатиной: она умерла 18 сент. 1935 г. Книга Бунина о Толстом станет не только философским трактатом о преодолении смерти и духовным жизнеописанием его учителя, но и продолжением их разговоров с Лопатиной последних лет, и воспоминанием об их общей московской молодости.

* * *

---

¹⁰⁵ РАЛ. MS 1067/398. Дневник В. Н. Буниной, запись 1 июля 1930 г. Ср. в «Освобождении Толстого»: «Лопатина была женщина в некоторых отношениях замечательная, но очень пристрастная» (Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 72).

¹⁰⁶ По всей вероятности, речь идет о публикации «Из воспоминаний» А. Л. Толстой, начатой в февральском номере журн. «Современные записки» в 1931 г. и продлившейся до мая 1933 г. (Современные записки. Кн. 45–52). Очевидно, что чтение этих мемуаров и споры о них в ближнем кругу Бунина явились одним из импульсов к «Освобождению Толстого». Так, после прочтения последней части воспоминаний А. Л. Толстой В. Н. Бунина записала: «Ян восхищается, как умирал Толстой, как он хотел всё понять смерть, а мне это желание кажется очень беспомощным. И если что потрясает, так это именно его слабость, беспомощность всех этих его действий и поступков» (РАЛ. MS 1067/408; запись 27 мая 1933 г.).

¹⁰⁷ РАЛ. MS 1067/405. Дневник В. Н. Буниной, запись 3 июня 1931 г.

¹⁰⁸ См.: Там же, запись от 4 июня 1931 г. Упоминания о «толстовских» разговорах встречаются и в записях В. Н. Буниной следующих дней. Разницу в восприятии Толстого она объясняла тем, что Лопатина, высоко ставя Толстого-художника, по складу своего мировоззрения «была проникнута философией Соловьева, а известно, что эти два больших мыслителя друг друга не выносили», – Бунин же признавал только Толстого (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 169). О мировоззренческих разногласиях Толстого и В. Соловьева со слов Лопатиной см. в «Освобождении Толстого»: Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С. 68–69; а также: *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 407–413.

¹⁰⁹ Об этом толстовско-бунинском натяжении мысли и мирочувствования см. работы О. В. Сливицкой, прежде всего ее книгу «“Повышенное чувство жизни”: Мир Ивана Бунина» (М.: РГГУ, 2004).

В феврале 1925 г. Бунин, спутав все даты, решил отметить 35-летие своей литературной деятельности.¹¹⁰ По этому случаю Лопатина написала ему письмо, которое сводит воедино все годы их общения:

«Дорогой Иван Алексеевич, приношу Вам мои горячие искренние поздравления с исполнением тридцатипятилетия счастливого Вашего труда. Я только что узнала об этом событии и чрезвычайно грущу, что не могу в этот день увидеть Вас и Ваше чествование и поздравить Вас. Мне кажется, что, если бы я знала раньше, я бы не удержалась и что-нибудь придумала, чтобы это сделать. Впрочем, вернее, что это всё равно было бы невозможно. Вы это знаете и поймете мои сожаления. Вы знаете, как много дорогого связано у меня с Вами и Вашим счастливым писательством. Это целая большая часть души, целая эпоха жизни. Талый снег, весенняя капель и лужи на Арбате, московские переулки в сумерках, весенняя луна, ярко-зеленые поля после дождя, кукушки и сквозящая сквозь деревья вода, и коростели, и дорогие лица или ушедшие навсегда или томящиеся теперь за пределами возможности встречи... Я узнала Вас тогда, когда почти всё, что Вы дали потом людям, только жило в Вашей молодой тревожной душе. Когда я слушаю в церкви, обычно на Страстной, притчу о талантах, мне всегда хочется плакать и душой овладевает сокрушение. Грозная и загадочная притча. Когда Вы стали большим писателем, я начала вспоминать Вас. Когда Вы по свойственной искренним художникам скромности просто говорите, что ничего не сделали, я вспоминаю другую притчу: “мы рабы ничего не стоящие, ибо сделали то, что должны были сделать”. Какое счастье мочь сказать это! – Дай Бог Вам и впредь еще долго-долго идти по Вашей прекрасной дороге и видеть всё больше и больше. Я часто думаю и о том, что путь Ваш еще долог и много Вы увидите и, увидев, возблагодарите за это Бога. Это, по-моему, единственная цель всякого пути, а писателя особенно. Это мое чувство, и Вы простите меня за то, что навязываю Вам нечто, <что,> очень может быть, Вы не думаете. Ну, дай Вам Господи всего вообще лучшего, что есть на свете, и Верочке¹¹¹ вместе с Вами и спасибо Вам за всё.

Храни Вас Господь. Обе мы¹¹² с Вами душой.

Ваша сестра Е. Лопатина

13 февраля 1925.

Villa Alba. Rue <de> Jonquière<s>.

Cannes (Le Cannet). A<lpes> M<aritimes>».¹¹³

* * *

Бунину действительно была суждена в литературе долгая жизнь, и чувство, которое оставили в его творчестве «нелепейший роман» в юности и последние годы общения с Лопатиной в эмиграции, оказалось глубоким и сокровенным.

---

¹¹⁰ Первое появление Бунина в печати состоялось 22 февр. 1887 г.: в газ. «Родина» было опубликовано его стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона», в связи с чем в октябре 1912 г. широко отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина. 13 февр. 1925 г., в день написания письма Лопатиной, исполнялось 25 лет публикации в газ. «Орловский вестник» (1890. 13 февр. № 26) рассказа Бунина «Первая любовь (Из воспоминаний детства)», который, впрочем, тоже не был первым напечатанным им рассказом.

¹¹¹ В. Н. Буниной.

¹¹² Т. е. Лопатина и О. Л. Еремеева.

¹¹³ РАЛ. MS 1069/31. Письмо датировано Лопатиной по старому стилю.

Прежде всего, сам роман Лопатиной «В чужом гнезде» не только предсказал течение ее жизни, но и предначертал некоторые линии развития бунинского творчества. До встречи с Лопатиной и до прочтения ее романа никогда еще стихия любви не была темой бунинской прозы. То понимание любви, которое сформулировано в дневниковых записях Лопатиной и которым проникнут ее роман, – «самое [огромное, мучительное] огромное и лучшее, что есть на свете» (см. выше) – никогда прежде не оказывалось в центре художественного внимания Бунина. Атмосфера, в которую «К. Ельцова» погружает своего читателя с первых же страниц книги, отзовется в произведениях Бунина только спустя много лет и с тех пор будет многими восприниматься как «бунинская». Образы главных героев «В чужом гнезде», освободившись от избыточных определений, будут оттенять лучшие образы его поздних рассказов.

Чтобы дать представление о том мире, в котором оказываются герои романа «В чужом гнезде», приведем его начало:

«Весна 188* года только что наступила. Был май месяц в начале. После холодов и дождей установилась, наконец, сухая и теплая погода; листья на деревьях стали распускаться <...> Душистый тополь, выставлявший над каждым забором свои липкие и плотные, но еще очень мелкие, жидко-зеленые листья, и березки, желтоватыми, нежными гроздьями свешивавшиеся над тротуарами, обдавали пешеходов свежим, возбуждающим запахом, бросая на мостовую сквозную, подвижную тень. По бульварам, наполненным в послеобеденное время толпою гуляющих, – офицерами, барышнями, няньками с детьми, а главное, гимназистами и студентами, – зеленела сплошным ровным ковром яркая молодая травка газона; птицы щебетали всюду, где была зелень, и, несмотря на городские неудобства, было хорошо, и весна беспокойно чувствовалась всеми.

В это время всюду, во всех уголках Москвы, шли толки об экзаменах. Были экзамены и на “высших женских курсах”, помещавшихся в одном из обширных музеев», и т. д.¹¹⁴

Сравним начало «Митиной любви» (1925):

«В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта. <...>

Они с Катей шли в двенадцатом часу утра вверх по Тверскому бульвару. Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто правда прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость. Всё было мокро, всё таяло, с домов капали капли, дворники скалывали лет с тротуаров, сбрасывали липкий снег с крыш, всюду было многолюдно, оживленно. Высокие облака расходились тонким белым дымом, сливаясь с влажно-синееющим небом».¹¹⁵

Несмотря на календарную разницу (а в обоих текстах указана точная временная приуроченность), и в том и в другом зачине описывается начало весны, резкий слом, переход от зимы к теплу и солнцу, когда всё приходит в движение (характернейшая бунинская категория «Всё было мокро, всё таяло...») с мгновенным переключением в конкретику). В обоих текстах описаны один и тот же район Москвы (бульвары), пенье птиц, пробивающаяся зелень, и этот

¹¹⁴ Цит. по: Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12. С. 109.

¹¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 5. С. 181.

фон подготавливает вступление героев, которые уже погружены в главное – распахнутую весеннюю атмосферу, всеобщее оживление, переживание всей полноты жизни, и ощущают в себе «неуловимую перемену», явную и для всех окружающих.¹¹⁶ Это герои одного мира: среди «гимназистов и студентов» романа Лопатиной вполне могли быть Митя и Катя, а среди тех, кто радовался мартовскому теплу и пенью жаворонков из бунинского зачина, – курсистки, спешащие в здание Политехнического музея, где в те годы находились Высшие женские курсы В. И. Герье.

В самом начале романа Зинаида Чернова появляется на женских курсах в день экзамена, в атмосфере всеобщего волнения. При этом понятное беспокойство перед экзаменом умножено не только тревожным ожиданием преподавателя и надеждой на конспект лекций, который могла привезти с собой главная героиня, но и описанием ее самой, впервые явленной вниманию читателя глазами ее сокурсниц. И героиня сразу предстает свободной от общей суеты, оваянной ускользающей тайной, наделенной особой легкостью и естественной элегантностью:

«Чернова была одета совсем просто, в суконное платье с гладкой юбкой, черную кофточку и соломенную, темную, новенькую шляпу, но с тем оттенком хорошего тона и вкуса, может быть, просто хорошего магазина, который здесь, в этой зале, несколько выдавался и которого Краюхина (сокурсница Черновой. – Т. Д.), очевидно, не одобряла».¹¹⁷

В этой разнице восприятий можно увидеть далекий прообраз «Легкого дыхания» (1916) – столкновение Оли Мещерской и начальницы гимназии, не одобрявшей того обворожительного, никому более не свойственного выражения жизни, которое нельзя было не чувствовать в присутствии ее ученицы. Очевидно, что как учеба в гимназии не может заполнить потребность Оли Мещерской в полноте и счастье жизни, так и суматоха курсов (к занятиям на которых она, впрочем, относится совершенно серьезно) не может заслонить внутреннего течения чувств и мыслей Зины Черновой, и как только экзамен сдан, они сразу вырываются на волю:

«Ей стало весело и захотелось движения, воздуха, света. Она вспомнила довольно неопределенно большой старый дом тетки, у которой жила, просторный двор и сад, зеленеющий с каждым часом более и более. Вспомнила она и то, что в последнее время она переживала там, что ей трудно было бы передать словами, но о чем она всегда, даже в бессонные ночи перед экзаменом, если не думала, то помнила, что пугало и волновало ее глупым, но неудержимо радостным чувством <...>».¹¹⁸

Развитию этого чувства, нахлынувшего от ощущения полноты, избытка бытия (характерного бунинского ощущения!), будет посвящена событий-

¹¹⁶ Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1897. № 1. С. 142.

¹¹⁷ Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12. С. 114.

¹¹⁸ Там же. С. 122. Замечательно, что именно в один из приездов Лопатиной в Грасс Бунин вдруг начинает подробно говорить о «Легком дыхании», см.: Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 106–107; запись 28 мая 1929 г.

ная канва романа Лопатиной, но не менее сюжета важен образ самой Зины Черновой. В ней собраны цельность и восприимчивость лучших тургеневских и толстовских героинь, – и это при том, что Лопатина рисует во многом собственный портрет. К этим качествам необходимо добавить ту внутреннюю стройность и страстность, которая если и имела в прежней литературе «прототип», то лишь отдаленный, в Анне Карениной. Равноправность цельности, восприимчивости и страстности в душевном портрете героини открывает дорогу бунинским героиням гораздо более поздних рассказов 1910–1920-х гг., «Жизни Арсеньева» и «Темных аллей».

Но и мужские герои бунинских рассказов могут быть благодарны отдельным чертам графа Торжницкого из романа Лопатиной. Его главного героя отличает то же сочетание крепости, силы, стройности, молоджавости, сухости (опять же вполне бунинская черта), которым отмечены и соблазнитель Оли Мещерской Алексей Михайлович Малютин, и старик-военный из заглавного рассказа «Темных аллей» (1938), и герой рассказа «В Париже» (1940). От растянутого и раздробленного описания героя Лопатиной Бунин оставил только то, что служило ему для наибольшей концентрации сюжета и образа, полностью убрав нравственную проблематику поведения графа и избыточные детали.

Сжав романную форму до предела, Бунин создал из ее кристаллической решетки свои поздние новеллы.¹¹⁹ Их характерной приметой, и чем дальше тем больше, становилась ретроспекция. Спустя много лет роман Лопатиной как будто очнулся в Бунине и открыл окно в иную поэтику, в которой *та*, давняя явь (и жизни, и текста) стала воспоминанием и переживание ее обострилось, – как обострились и образы центральных героев. В двух главных действующих лицах романа Лопатиной заложены не только черты классических русских героев, какими их знал читатель конца 1890-х гг., но и черты будущих героев Бунина, причем не ближайших его произведений, а прежде всего собирательных образов «Темных аллей» и связанных с ними любовных рассказов предыдущих лет. Стоит еще раз подчеркнуть, что до знакомства с Лопатиной и до знакомства с ее романом в произведениях Бунина подобных героев не было. Они появились в его прозе спустя много лет, как «отложенный дар» давнего «романтического», по его же слову, чувства.

И не только сам роман Лопатиной, но и вся история отношений Бунина с ней звучала в его произведениях и, шире, в самом существе его художественного видения долгим, шемящим эхом.

Одна из параллелей уже могла быть замечена: Бунин, сказавший «где-то», что Лопатина «лучше Венеры Милосской» (см. выше рассказ Лопатиной В. Н. Буниной), вспоминает себя в героине рассказа «Таня» (1940), который шепчет своей возлюбленной: «<...> лучше тебя на свете нет. Эта головка с этой маленькой косой вокруг нее, как у молоденькой Венеры...».¹²⁰

---

¹¹⁹ Подробно об этом см.: Сливцкая О. В. «Повышенное чувство жизни»... С. 184–210 и др.

¹²⁰ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 103.

Когда в рассказе «Муза» (1938) Бунин от лица своего героя – молодого художника писал: «В мае я переселился <...> в старинную подмосковную усадьбу, где были настроены и сдавались небольшие дачи <...>»,¹²¹ то, вполне возможно, ему виделось именно Царицыно.

Когда герой заглавного рассказа «Темных аллеей», седой генерал горестно думает: «Но боже мой, что было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»,¹²² – он повторяет ход мысли Бунина, который признавал свою скоропалительную женитьбу на А. Н. Цакни поступком «идиотским» и тут же добавлял: «А о Катерине Михайловне думал потом с ужасом: что бы я с ней делал? Куда бы я ее взял?». ¹²³ И думается, что перечень таких параллелей далеко не исчерпан.

Но главное состоит в том, что именно с переживанием Лопатиной любви как *самого огромного, лучшего и мучительного*, что может быть в жизни и что меняет судьбу, оказалась связана и философия любви Бунина. В прощальном письме 1898 г. Бунин обращается к Лопатиной со словами, в которых наиболее резко и точно выражено его мироощущение, сотканное из единомоментного восприятия полярных состояний: «Прощайте, милая и дорогая, *радость и скорбь* моей жизни, незабвенный и *мучительно родной* друг!» (здесь и далее выделено мной. – Т. Д.), – ни к кому другому таких его обращений неизвестно. Вспоминая свой апрельский приезд в Петербург, Бунин пишет, что «был безумно *несчастлив и счастлив во всякое время*». Благословение ее образом он готов принять как последнее земное благословение перед переходом в «новую и великую жизнь» за земными пределами.

«Если я переживу это всё, может быть, изменится многое, как изменюсь, верно, и я весь, потому что такие дни не проходят даром. Но сейчас есть выше всего одно, есть чувство, которое меня переносит в Вашу комнату, к Вашей постели, **у которой я стал бы на колени и сказал бы** те немногие слова ласки, нежности и преклонения перед Вами, какие есть на языке человеческом и которые в тысячной доле дали бы почувствовать Вам, как безгранично и свято я люблю Вас сейчас и как я обессилен от страданий. Помните и в одном верьте мне, что каждое мое слово здесь написано истинно кровью моей сердца».¹²⁴

Первая из выделенных в этом фрагменте камней спустя сорок лет проступит в прощальном письме Лики Арсеньеву: «<...> молю Бога, чтобы Он дал тебе сил *пережить наш разрыв* <...>». ¹²⁵ Вторая – в отклике (на эту реплику?) героя «Позднего часа» (1938), рассказа, написанного непосредственно перед финалом последней книги «Жизни Арсеньева»¹²⁶ и связанного с ним единой

¹²¹ Там же. С. 33. См. также примеч. 130.

¹²² Там же. С. 11.

¹²³ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 218.

¹²⁴ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 255–256 (письмо к Е. М. Лопатиной от 16 июня 1898 г.).

¹²⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. С. 282.

¹²⁶ Начав «Лику» в 1933 г., Бунин смог вернуться к ней только в конце 1938 г.

лирической линии: «Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за всё, что ты дала мне на земле». ¹²⁷

* * *

В бумагах Бунина сохранилась его заметка о том, как создавался «Чистый понедельник»:

«Против храма Х<риста> С<пасителя>, взорванного большевиками, [совсем] очень близко от него, был (м<ожет> б<ыть,> и теперь сущ<ествует>) большой дом Перцова, где сдавались квартиры в две, три комнаты, и в одной из таких жила одна знакомая мне девушка, рослая, дородная, дочь одного богатейшего купца из Воронежа, у которой я нередко бывал, заставая ее чаще всего лежащей на кушетке в каком-то чудесном халатике; она была как раз то, что называется русской красавицей, томная, спокойно ленивая, говорившая медлительно и всегда чуть-чуть насмешливо.

Вот и всё, что дало мне желание написать “Чистый понедельник”, заменив себя кем-то, ни на йоту не похожим на меня, а ее – той странной, загадочной, прекрасной, тоже не имеющей даже малейшего подобия дочери воронежского купца.

“Чист<ый> П<онедельник>” один из самых лучших моих рассказов, – из тех, за вымысел и написание которых я непрестанно благодарю Бога». ¹²⁸

«Дом Перцова» ¹²⁹ и сейчас стоит напротив заново построенного храма Христа Спасителя. Сведения о купеческих дочерях – знакомых Бунина сохранились крайне скудные. ¹³⁰ Настойчивость, с которой Бунин отводил все сходства между своими произведениями и фактами реальной жизни, понятна. Она объясняется, в том числе, сознанием неуловимого преображения, того «магического кристалла», пройдя сквозь который «ближние» события и переживания попадают в поле художественного видения и обретают собственную жизнь. Мы же можем говорить только о том, что известно.

После смерти Лопатиной прошло почти восемь с половиной лет. Ночью 25 янв. 1944 г., заканчивая перечислять события дня, Бунин пишет: «Вдруг вспомнил Гагаринск<ий> переулоч, свою молодость, выдуманную влюблен-

¹²⁷ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 41.

¹²⁸ РАЛ. MS 1066/664.

¹²⁹ О «доме Перцова», точнее – доме З. А. Перцовой (жены П. А. Перцова, именно ей принадлежал дом), расположенном на углу Нижнего Лесного пер. (ныне Соимоновский пр.) и Пречистенской наб., а также об окружающем его районе, отмеченном «конфликтным единством дораскольного и послераскольного православия» (что важно для характеристики героини рассказа), см.: Бунин И. А. Чистый понедельник / Иван Бунин; Опыт пристального чтения; Пояснения для читателя / М. А. Дзюбенко, О. А. Лекманов. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016. С. 60–69.

¹³⁰ Очевидно, со слов самого Бунина, его жена, позднее описывая его московскую жизнь, упоминала об обедах «у Граф (жена его – в девичестве Ключкова, дочь богатого воронежского городского головы; он чуть тронул ее в «Чистом понедельнике», взята – ее квартира)» (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 234.* Имеется в виду Евгения Николаевна Граф (урожд. Ключкова, 1882–1917)). Попутно отметим расхождение в семейном статусе знакомой Бунина; то, что отцу героини «Чистого понедельника» он «поменял» местожительство на Тверь; то, что саму фамилию он «подарил» героине другого рассказа из «Темных аллея» – «Муза» и что этот рассказ тоже заканчивается «сухомом» героя («Я поднялся и, шатаясь, пошел вон» – Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 36).

ность в Лоп<атину>, – которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне! ¹³¹ Это ли не дико!». ¹³²

Проходит еще несколько месяцев, и с тем же изумлением Бунин напоминает себе в записной книжке: «Записать о Лопатиной. Лежит в Валбоне!». ¹³³ Запись не датирована, книжка начата в апреле 1944 г., последние датированные записи сделаны в ноябре. Даже если эта запись (на последней странице!) сделана, когда рассказ был уже написан, она всё равно попадает в его орбиту и (в этом случае) сулит продолжение. ¹³⁴

Автограф «Чистого понедельника» датирован 10 мая 1944 г. ¹³⁵ Накануне, в ночь с 8 на 9 мая, Бунин открывает дневник: «Час ночи. Встал из-за стола – осталось дописать неск<олько> строк “Чистого Понед<ельника>”. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату – ни малейш<его> движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелканье первых соловьев... Господи, проди мои силы для моей одинокой бедной жизни в этой красоте и в работе!». ¹³⁶

«Осталось дописать несколько строк...». На последней странице автографа осветлевшие чернила только однажды, и буквально на половине предложения, сменяются на свежие, яркие: «... великая княгиня» написано еще светлыми (на ходу угасающими) чернилами, далее точка с запятой и «а за нею тянулась такая же белая вереница поющих» и т. д. – заново набранными, насыщенно-черными. Возможно, именно на этом переломе Бунин оставил рукопись в ночь перед окончанием. Что было в тот момент перед его мысленным взором?

Как известно, Марфо-Мариинская обитель, основанная в 1909 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной, не была собственно монастырем: жившие в ней сестры, принеся обеты целомудрия, нестяжания и послушания, могли со временем снова выйти в мир, но в любом случае почти всю свою жизнь отдавали делам благотворительности и врачебной помощи нуждающимся. Героиня «Чистого понедельника» тоже не безоглядно поступает в монастырь: «пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг», ¹³⁷ – пишет она герою в прощальном письме.

---

¹³¹ Имеется в виду Вальбонн (*фр.* Valbonne), селение на Лазурном берегу Франции, между Грассом и Ниццей.

¹³² Устами Буниных... Т. 3. С. 161; РАЛ. MS 1066/535.

¹³³ РАЛ. MS 1066/548.

¹³⁴ Если последняя запись была сделана уже после «Чистого понедельника», то с ней можно связать явно более позднюю (судя по шариковой ручке, см. примеч. 43) запись в другом блокноте: «Марфо-Мариинская обитель. Платья были прямые серые для работы и белые для праздников. На голове – *апостольник* и платок в цвет платья. Церковь в стиле Новгородских церквей. Фрески Нестерова» (РАЛ. MS 1066/553).

¹³⁵ РАЛ. MS 1066/97. Точная дата под автографом: «8 часов вечера, 10 мая 1944 г.». Строго говоря, автографом здесь являются последние страницы, первые страницы – машинопись с густой авторской правкой и вставками.

¹³⁶ Устами Буниных... Т. 3. С. 164–165; РАЛ. MS 1066/535.

¹³⁷ Здесь и далее цитаты из рассказа приводятся по изд.: *Бунин И. А. Собр. соч.*: в 9 т. Т. 7. С. 238–251.

И Лопатина не приняла монашеских обетов ни после любовной катастрофы с Токарским, ни после вызванного ею нервного потрясения. Религиозная сила ее характера выразилась прежде всего в неустанной помощи нуждающимся: и в Никольской общине сестер милосердия (возрожденной, к слову, в 1914 г.), и в устройстве детского «превенториума» на французском берегу.

В дневниковой записи от 29 авг. 1940 г., приведенной в начале этой статьи, Бунин связывает имя Лопатиной и «Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалим». Трудно сказать, были ли они в этих обителях вместе. Но точно известно, что по московским монастырям Бунин много ездил со своим другом и двоюродным племянником Н. А. Пушешниковым в самом конце 1914 – начале 1915 г. Тогда они были и в Марфо-Мариинской обители на Ордынке, и в церкви Иоанна Воина на Якиманке, и на Ваганьковском кладбище, посетили Кремль (Благовещенский и Архангельский соборы), Зачатьевский монастырь, Ново-Девичий монастырь, Троице-Сергиеву лавру...¹³⁸ В Новодевичий монастырь героиня «Чистого понедельника» едут в Прощеное воскресенье, потом они ищут на Ордынке «дом, где жил Грибоедов», и героиня говорит о Марфо-Мариинской обители. Их нечаянной встречей в этой обители «в четырнадцатом году, под Новый год» заканчивается «Чистый понедельник». Как не случайно временное совпадение бунинских поездок по монастырям с финалом «Чистого понедельника», так едва ли случайно и наложение внутригодового цикла рассказа («Так прошел январь, февраль, пришла и прошла масленица») с наиболее напряженным временем в отношениях Бунина и Лопатиной в 1898 г.

Героиня «Чистого понедельника» «зачем-то училась на курсах», – как училась на них и сама Лопатина, и Зина Чернова из ее романа. Над диваном героиня «зачем-то висел портрет босого Толстого», и на восклицание героя о счастье она приводит слова Платона Каратаева: «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету», – под знаком Толстого развивались отношения Бунина и Лопатиной и в молодости, и в зрелые эмигрантские годы. При этом, насколько можно судить по дневникам и воспоминаниям очевидцев, и в ранние, и в поздние годы Лопатина сохранила в себе сочетание религиозности и озорного, светлого жизнелюбия. «Кат<ерина> Мих<айловна> как тайная монахиня, на многое смотрит с монастырской строгостью, но при этом в ней столько привередливой и прихотливой русской барыни, что часто все смеются от ее неожиданных и вовсе не монашеских замечаний», – писала о Лопатиной Г. Н. Кузнецова.¹³⁹

¹³⁸ См.: Устами Буниных... Т. 1. С. 140; запись Бунина 1 янв. 1915 г.

¹³⁹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 108; запись 4 июня 1929 г. См. также выше дневниковую запись В. Н. Буниной 6 июня 1929 г. Сведений о монашестве Лопатиной немного. В те же дни, когда сделаны эти записи, Кузнецова пишет и про рассказы Лопатиной о жизни «в тайном иезуитском монастыре» (Там же. С. 16; запись 27 мая 1929 г.). 3 июня 1931 г. В. Н. Бунина отмечает в дневнике, что «Лопатэн <...> думает о монашестве» (РАЛ. MS 1067/403). О католичестве как «последнем этапе жизни» Лопатиной пишет Гиппиус (*Гиппиус З. Н. Своими путями...* С. 462). О переходе Лопатиной в католичество уверенно сообщает изд.: Русское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мухина. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2. С. 77.

Героиня позднего бунинского рассказа «иногда говорила: “Не понимаю, как это не надоеет людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать”, – но сама и обедала и ужинала с московским пониманием дела». О молодой Лопатиной Бунин рассказывал жене: «Подумай, <...> зайдем в <“>Прагу<”>, а она начинает говорить: “Нет, не могу есть в ресторанах с тарелок и пить из фужеров, из которых ели и пили другие...”».¹⁴⁰

Когда-то Бунин и Лопатина смеялись, что опишут друг друга. Спустя почти полвека он не описал ее, но претворил некоторые ее черты в своей героине. А свои – в героя: «насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива» – тут Бунин оставил герою не только свою молодую легкость, но и их общее с Лопатиной настроение первых месяцев его московской влюбленности. Приведенные выше строки Бунина из письма Лопатиной от 11 апр. 1898 г. («я все-таки счастлив с Вами») прямо перекликаются с тем, как успокаивал себя герой «Чистого понедельника», сознававший недоступность своей возлюбленной: «Ну что ж – все-таки счастье, великое счастье!».

Описывая последнюю встречу своих героев – в Марфо-Мариинской обители, Бунин выбрал прообразом последнюю встречу Лизы и Лаврецкого.¹⁴¹ Важно ли было для него название романа Тургенева – «*Дворянское гнездо*»? Случайно или намеренно возникла перекличка с названием романа «К. Ельцовой» «*В чужом гнезде*»? Помнил ли он, как сказал однажды Лопатиной, что она ходит «точно тургеньская героиня. Право. Робко, скромно. Под защитой родного гнезда»?¹⁴²

Наконец, последний штрих добавляет московская топография. За несколько месяцев до встречи Бунина с Лопатиной осенью 1897 г. в Москву переехал его брат Ю. А. Бунин. Он стал фактическим редактором журн. «Вестник воспитания», контора которого находилась на Староконюшенном переулке (д. 32, не сохранился). Бунин бывал там почти ежедневно. И когда, выходя из редакции, он поворачивал со Староконюшенного на Гагаринский, до Лопатиных оставалось пройти совсем немного. Он шел и видел нависающую над переулком громаду храма Христа Спасителя, – точно так же, как видела его из своих окон неназванная героиня «Чистого понедельника». Даже если Бунин

¹⁴⁰ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171.

¹⁴¹ В «Чистом понедельнике» одна из «инокинь или сестер» в Марфо-Мариинской обители, проходя мимо героя, «вдруг подняла голову, крытую белым платком, загорюдив рукой свечку». «Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот». Так почти за век до этого Лаврецкий «посетил тот отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел ее. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смирненной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать – и пройти мимо» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 158). Обе сцены находятся в абсолютном конце произведения и строго параллельны по образам, мотивам и интонациям.

¹⁴² Более полное изложение разговора см. выше.

выдумал в «Чистом понедельник» весь сюжет, даже если он наполнил своих героев более вымышленными, чем реальными чертами, то ощущение, воздух, которым напоен этот рассказ, он, скорее всего, вспомнил.

Библиографический список

1. *Агапкина Т. П.* Ельцова К. // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 230–231.
2. *Б. н.* Русский преванториум в Биоте // Возрождение. Париж, 1934. 8 июня. № 3292.
3. *Басманов А. Е.* Особняк с потайной дверью. М., 1981.
4. *Битерякова Е. В.* Николай Лопатин: Штрихи к портрету (К 160-летию со дня рождения) // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 155–165.
5. *Бунин И. А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
6. *Бунин И. А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915 (Прилож. к журн. «Нива»).
7. *Бунин И. А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Худож. литература, 1965–1967.
8. *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014 (Новая Б-ка поэта).
9. *Бунин И. А.* Чистый понедельник / Иван Бунин; Опыт пристального чтения; Пояснения для читателя / М. А. Дзюбенко, О. А. Лекманов. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016. С. 60–69.
10. *Гитлис З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Современные записки. Париж, 1935. Кн. 59. С. 459–462.
11. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12; 1897. № 1–7.
12. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] В чужом гнезде. Роман. СПб.: Изд. СПб. Акционерного О-ва «Издатель», 1899; 2-е изд. 1900.
13. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] Сны нездешние (К 25-летию кончины В. С. Соловьева) // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 28. С. 225–275.
14. *Каллаш М.* Памяти Е. М. Лопатиной // Последние новости. Париж, 1935. 3 окт. № 5306.
15. *Козловцева Е. Н.* Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М.: ПСТГУ, 2010.
16. *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995.
17. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009.
18. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007.
19. *Офицерова Е. В.* И. А. Бунин в Царицыне // Московский журнал. 2014. № 6 (282). С. 68–76.
20. Переписка <И. А. Бунина> с Н. Д. Телешовым. 1897–1947 / предисл. и публ. А. Н. Дубовикова // Иван Бунин: [Сб. материалов]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1 (Литературное наследство. Т. 84).

21. Русское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2.
22. *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.
23. *Толстая А. Л.* Из воспоминаний // Современные записки. Париж, 1931–1933. Кн. 45–52.
24. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 18.
25. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6.
26. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1977–1982.
27. *Чебышев Р. Н.* Памяти Е. М. Лопатиной // Последние новости. Париж, 1935. 27 сент. № 5300.
28. *Heywood Anthony J.* Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.